

УДК 81.25

Фрагментарный перевод и ценность поэзии: ранние восточнославянские стихотворные переводы из Гомера*

Андрей Александрович Костин

Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 190068, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 123;
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4; a.al.kostin@gmail.com

Для цитирования: Костин А. А. Фрагментарный перевод и ценность поэзии: ранние восточнославянские стихотворные переводы из Гомера. *Philologia Classica* 2020, 15 (1), 120–153. <https://doi.org/10.21638/spbu20.2020.110>

В статье исследуются восточнославянские (русские и украинские) переводы фрагментов из поэм Гомера, входивших в исторические и политические сочинения М. Стрыйковского, А. Ф. Моджевского, Юста Липсия и др., переведившихся в Киеве, Москве и Санкт-Петербурге с начала XVII до середины XVIII вв. Особый интерес представляют переводы, выполнявшиеся в той или иной стихотворной форме. Выбор переводчиками именно стихотворной формы для перевода позволяет лучше понять пути адаптации русской культурой относительно новой для нее стихотворной формы. Тщательное изучение контекста появления стихотворных переводов из Гомера в составе обширных прозаических трудов позволяет увидеть мотивы, руководившие переводчиками (Гомер предстает автором древнейших свидетельств по истории славян; учителем политической риторики, моделью интеллектуала в конструируемых отношениях интеллектуала и государства). Восточнославянские культуры имели опыт стихотворной передачи текстов Гомера и филологического интереса к ним (во всяком случае — интереса, требующего обращения к альтернативным изданиям и греческому тексту) задолго до того, как фрагментарный стихотворный перевод из Гомера, выполненный М. В. Ломоносовым, был в 1748 г. опубликован в Петербурге. Впервые публикуются стихотворные переводы из Гомера, содержащиеся в московском переводе Хроники Мацея Стрыйковского (1660–1670-е) и «Увещаниях и прикладах политических» (*Monita et exempla politica*)

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-012-00702. Автор выражает благодарность анонимным рецензентам *Philologia Classica* за ценные замечания и предложения.

Юста Липсия, переведенных в Киеве, Петербурге и Москве в 1712-1722 гг. Публикация текста сопровождается существенными уточнениями истории текста памятников.

Ключевые слова: Гомер, стихотворный перевод, фрагментарные тексты, восточно-славянская поэзия, Эобан Гесс, Мацей Стрыйковский, Анджей Моджевский, Юст Липсий.

Переводить стихи стихами — далеко не очевидный принцип: достаточно учесть историю перевода библейских текстов (со стихотворными вкраплениями), спор «древних и новых» или транзит эпосов национальных республик в русскоязычную советскую печать. В культурах с долгой историей поэтической книжности вырабатывается проблемный статус многих аспектов стихотворного перевода стихотворного текста: какова роль подстрочника и научного прозаического перевода, как выбираются адекватные метр, рифма, строфика, возможна ли и насколько передача фоники оригинала и т. д. Вместе с тем, мы плохо представляем себе, как относится к задаче перевода стихотворного оригинала культура, в которой книжное стихосложение все еще остается относительно новым явлением, а место поэзии в общем поле вербального производства не вполне определено.

Практика стихотворного перевода в России XVII века относительно системно исследована только в отношении польскоязычных оригиналов. Даже этот материал показывает, что указанный тип переводческого труда был в культуре Москвы XVII века предметом нетривиальной рефлексии, порождавшей различные переводческие стратегии. Так, известно, что большинство наиболее изоциренных поэтов-силлабиков почти не ставили перед собой задач поэтического перевода, а когда ставили (шла ли речь о собственных или чужих сочинениях), предпочитали более или менее свободное переложение (создание нового текста) собственно переводу. Стихотворным переводом в России XVII века были заняты не столько «поэты» (интеллектуалы), сколько «чиновники» (дипломаты): основной корпус известных версифицированных переводов стихов с польского создавался в Посольском приказе; вплоть до конца XVII века эти переводы сохраняют сложившийся веком ранее книжный виршевой стих. Несмотря на то, что перевод стихов стихами становился привычным, он не приобрел характер унифицирующей или доминирующей нормы: прозаические переводы известны не только для отдельных стихотворных оригиналов, но и для многих стихотворных вставок в прозаические тексты, где другие стихотворные фрагменты переведены стихами (Николаев 1989). Этот разноречивый переводческих решений можно до некоторой степени объяснять техническими причинами — разным уровнем владения иностранными языками и стихотворной техникой, характером оригинала, требованиями заказчика к точности перевода и пр. Различные подходы к переводу стихов были вызваны, однако, и сложившимися представлениями о поэтическом слове, качественно отличном от прозаической речи, об особом статусе поэта/автора, о «сделанности» поэтической речи как ценности, важной помимо информационного сообщения в поэтическом тексте, и о границах переводимости.

Для более обоснованного разговора об этой проблеме корпус привлекаемых к анализу текстов должен быть расширен, прежде всего переводами, выполненными с языков, не позволявших прямого переноса лексики, флексий и использования стихотворной системы оригинала (например, с польского). Наглядной иллюстра-

цией служат переводы с латыни — не только потому, что они позволяют анализировать работу переводчиков с языком, «чужим» и по формальным (лингвистическим, метрическим) критериям, и по стоящей за ним системе трансляции знания, и по иноконфессиональности. Выработанная латинской школьной традицией поэтика и система ссылок на авторитет языческих авторов дает возможность увидеть, что в переводе фрагментов из классиков за утилитарной информационной практикой стояла определенная система поэтических взглядов. Приведенные ниже переводы фрагментов из Гомера в четырех памятниках конца XVII — середины XVIII вв. (во всех случаях выполненные через посредство латинского перевода) представляют с этой точки зрения особый интерес, поскольку Гомер — имя, освященное в том числе и авторитетом греческих отцов Церкви — мог восприниматься московскими переводчиками как автор «своей» культуры.

1. (1668 — 1670-е) Эобан Гесс / Мацей Стрыйковский / аноним(ы)

Представляется целесообразным начать разбор примеров с памятника, который послужил С. И. Николаеву основным источником для анализа различных подходов переводчиков XVII века к передаче стихотворных фрагментов в прозаическом тексте (Николаев 1989, 58–67, 112–116; Николаев 1985; Watson 2012, 141–145). Это «Хроника польская и литовская» («Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi») Мацея Стрыйковского (1547–1586/93), впервые выпущенная в свет в Крулевец (Кенигсберге) в 1582 г. и впоследствии до 1766 г. не переиздававшаяся, но послужившая важным источником как для польско-литовской, так и для восточнославянской историографии XVI–XVIII вв.¹ В начале XVII века значительная часть «Хроники» была переведена на украинский язык (и легла в основу т. н. Украинского хронографа; Ульяновский, Яковенко 1993; Толочко 1996; Watson 2012, 55–57),² а в его конце — по меньшей мере дважды на русский. Обширный труд Стрыйковского, описывающий историю народов, вынесенных на титульный лист («хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси»), и заселенных ими земель от сотворения мира до 1580 г., включает множество стихотворных отрывков — как

¹ Подробный обзор литературы о «Хронике» и ее восточно-славянском бытовании: Watson 2012. Базовым исследованием по теме остается монография А. И. Рогова 1966 г., а основным научным изданием польского текста — публикация Миколая Малиновского (Malinowski 1846). Обзор основных сведений о восточнославянской рецепции «Хроники»: Карнаухов 2008. См. также: Дзира 2011; Темушев 2014; Кочегаров 2015; Кутарев 2016; Соколов 2016; Соколов 2017; Степанов 2016; Степанов 2017; Синкевич 2017; Бовгира 2017; Волков 2018.

² Сличение текста первых глав полного украинского перевода 1610–20-х гг. (НБУВ, ф. 1, № 57487; за предоставление копий этих листов сердечно благодарю А. Авербуха) с польским текстом показывает их чрезвычайную близость, — в отдельных фрагментах записанный украинской скорописью текст можно квалифицировать скорее как транскрипцию, чем как перевод. Как бы то ни было, в отдельных случаях, как показывает в том числе выборочная публикация А. П. Толочко, производится замена польских лексем на украинские. То обстоятельство, что другой список первых глав (в сборнике, принадлежавшем Петру Могиле — РГАДА, ф. 181, № 365; использована электронная копия на сайте rga.ru) в некоторых из этих мест воспроизводит польские, а не украинские речения, а также его меньшая исправность позволяет предположить, что мы имеем дело с двумя редакциями перевода. В списке библиотеки Вернадского латинские вставки воспроизводятся на латинском языке кинварью либо исключаются вместе с контекстом; в списке РГАДА на их месте или оставлены лакуны, предполагавшие позднее заполнение другим писцом или переводчиком, или (как в случае с цитатами из Гомера) текст исключен с указывающим на него контекстом.

польских, сочиненных самим Стрыйковским (где он переходит от прозаического изложения истории к поэтическому), так и латинских (античных, включая переводы с греческого, и современных), напечатанных в некоторых случаях с авторским польским переводом. Среди этих фрагментов в двух главах встречаются четыре извлечения из «Илиады», во всех случаях — в латинском переводе Гелия Эобана Гесса (Hessus, первое издание — Базель, 1540; источник перевода оговорен Стрыйковским при первом фрагменте) — первом удавшемся в Новое время полном переводе «Илиады» латинскими гекзаметрами (Finsler 1912; Ford 2007).

Одна из упомянутых глав (вторая глава первой книги, рассказывающая о расселении потомства Ноя после Потопа) переводилась на русский язык по меньшей мере дважды. Андрей Лызлов (перевод 1682 г.), выполнивший, работая над хроникой Стрыйковского, наиболее совершенные, по мнению С. И. Николаева, ранние переводы «Писем с Понта» Овидия, исключает гомеровские цитаты из перевода (сохраняя их контекст).³ Можно предположить, что причиной такого решения стало слабое владение латинским языком: непереуверенными остаются не только не дублированные польской версией фрагменты из Гомера, но и другие стихотворные вставки, предложенные Стрыйковским только на латинском языке. Более того, Лызлов отказывается от перевода латинского текста в составе прозаического изложения Стрыйковского, а когда переводит его, искажает смысл источника (пропущено «in Iliadis sub finem secundi libri»; «Lib. 2 Iliados in Troianorum ducum catalogo» передано как «в книге второй о войне троянской»). Гипотеза о невладении (или слабом владении) Лызлова латинским языком подтверждается и его «Скифской историей», где все отсылки к латинским авторам опосредованы польскими переводами (как в отдельных изданиях, так и в цитатах из польских исторических книг: Чистякова 1963). В отличие от эксклюзивно латинских, все стихотворные фрагменты, продублированные польской версией, переведены у Лызлова правильным силлабическим 13-сложником.

Более интересен для нашей темы перевод, выполнявшийся, по-видимому, в Посольском приказе с конца 1660-х по конец 1670-х гг. Работа над первой редакцией перевода началась не позднее 1668 г. Специально занимавшаяся текстологией последней редакции перевода Кристина Ватсон на основе лингвистических данных пришла к выводу, что перевод был распределен между четырьмя переводчиками; возможно, одним из них был Степан Чижинский, приступивший к работе не ранее 1678 г.; к 1670-м же исследовательница относит самый ранний из сохранившихся списков финальной редакции. Не вдаваясь в довольно туманную историю текста памятника в целом (см. Приложение), можно сказать, что фрагменты из Каталога

³ «Еще и Омир воспоминает Аскана и страну Асканию между прочими князи иже прохождаху на помощь трояном на греки. Не дивно же сему, еже Аскана наследницы Аскановы преселишася на иное место <...> Омир же в книге второй о войне троянской сице венеты воспоминает: со князем рече Пилемесом приидоша на помощь роты пфлагонския от венетов, идеже множество рождашеся мужей неученых, но крепких, оранием правящихся, ихже и днесь множае между нами славяны нежели ученых» (ОРРК СПбГУ. Ms IV 47. Л. 233 об.; ср. РНБ Пор. № 1494. Л. 322 об.). Русский рукописный текст здесь и далее передается в современной графике, без использования финального ера, с использованием современных правил пунктуации и слитного/раздельного написания слов; буквенная запись чисел передается арабскими цифрами.

троянских вождей (Ном. II, 2, 851–852, 862–863) в различных списках представляют три последовательных редакции.⁴

- 1) Воспоминает же Гомер Асканиуса и страну <Асканию>¹ от² <Илиадских> х концу³ вторых книг, междо иными князи, кия изыдоша на помощ Трояном противу⁴ Греков, симы словесы противу версии <Еобани>⁵ Гессыи:

Оттуду силныя фриги и лвами владеша, <Форцов>⁶ же и <Асканиус>⁷ гордым дарованием образа превышает; Аскания недалече отстоит взыскующего, войны любовию люты младенцы, к бою готовы, и прочая.

<...>

Гомер же в⁸ 2 книг[е] <Илиадос>⁹ на троянских князей в каталоге тако Генетов воспоминает:

В княжение Пафлягона приидоша <Пилеменския>¹⁰ множества от Генетов, где многих народов бысть соборище.

Со князем, рече, Пилеменессом приидоша на помощь вои Пафлагонские з Генетов¹¹, се есть ис Сарматцкого народа славаков, идеже бе велий¹² род мужей простых, а бодрых, плугом упражняющихся, сих же и днесь род велий между нами Славаки, нежели учителей.

¹A1,3: Асканию; A2: Аскану ²A2: о ³A2: илидиях х концу; A1: илидиях хконду; A3: иллидиях хконду ⁴A2: против ⁵A1,3: Лобани; A2: бани ⁶A1,3: Форцом; A2: Фордом ⁷A3: скании; A2: Аскану ⁸A2: во; A3: [нет] ⁹A1,3: или Адос; A2: Адон ¹⁰A2,3: Филименския; A1: Филимсинския ¹¹A1,3: Енетов ¹²A3: великий

- 2) Воспоминает же Омир Аскания и страну Асканию, во Илиадских х <концу>¹ вторых книг², междо иными князи, иже беша в помощь пришли Трояном противу³ Греков; сими словесы противу версии <Еобани>⁴ Гессыи:

Оттуду крепким полкам фригийским повелеваху Форкий и [А]сканий, з⁵ гордаго образа чином устроен, и от далече растоящей Аскании шедшии, свирепии юноши любовию воинскою, и вооружитися готови.

<...>

[Омир же] в⁶ 2 книге <илиадской>⁷ на троянских князей <в счислении>⁸ сице о генетах воспоминает:

Князю сущу Пилемени приидоша полки <Пафлягон[ов?] из енетов>⁹, идеже бе род многих земледелцов плугом,

сих же и днесь род велий между нами славаки, нежели учителей.¹⁰

¹B1,2,4: хконду ²B2: книге ³B2: против; B4: противо ⁴B1,2: Лобани; B4: Лобано ⁵B1,4: [нет] ⁶B4: во ⁷B1,2,4: или Адской ⁸B1,2,4: сочисление ⁹B2: Пафлягон Бизенетов; B1: Пафлягонот Бизенетов; B4: Пафлягонов Бизенетов ¹⁰B4: учителя

⁴ Приводится реконструкция. Принципы реконструкции и легенду списков см. в Прил. 1. Текст оригинала: «Wspomina też Homerus Ascaniussa i krainę Ascanią in Iliadis sub finem secundi libri, miedzy inszymi Xiążęty, którzy byli ná pomoc przyszli Troianom przeciw Grekom, w ty słowá wedlug versyey Eobani Hessi. / Fortibus inde Phrygum legionibus imperitarunt. / Phorcisque Ascaniusque superbae munere formae / Praeditus: Ascania procul e distante profecti / Martis amore feri iuvenes & in arma parati &c <...> Homerus też lib. 2. Iliados in Troianorum ducum catalogo tak Enety wspomina: / Principe Paphlagonum venere Pylemene turmae, / Ex Henetis, ubi multorum genus erat agrestum. / Z Xiążęciami powiada Pylemenessem przyszly nápomoc uffy Paflágońskie z Enetow, to iest z Sarматыckiego narodu Słowakow, gdzie był rodzaj wielki męzow prostych á cerstwyh rolą się bawiących. Ktorych i dziś więzszy rodzaj miedzy námi Słowaki niż Doctorow» (1582. S. 18–19).

- 3) Воспоминает же и Омир <Аскания>¹ и страну Асканию, во Илиадах на конец первая [!] книги, меж иными князи, пришедшими в помощь Траяном против Греков, сими словеса по толкованию Еввана Гессиа:

Та ж крепким полкам фригийским повелеваху
<Форкий>² и <Асканий>³, з гордаго образа чином устроен;
И от далече отстоящей Аскании шедши⁴
<свирепы юноши>⁵ любовию воинскою ко оружию готови⁶.
<...>

Омир же в книге 2 Илиадов троянских царей в росписи сице енетов воспоминает: Князю сущу Пилимену мнози приидоша полци⁷ Пафлагонов⁸ из Енетов, идеже бе род многих простолоудинов, ихже и ныне вящший род между⁹ нами славяны, неже учителей.

¹В3: Аскания; Д2: Аскания; В1,2,4; Г1,2; Д1: Ахсания; Г3: Ахсанна ²В1,2,3,4; Г1,2,3; Д1,2: Форки ³Г1,2,3: асхане; В1,2,4; Д1: сахане; Д2: саханем; В3: сяхане ⁴В2,3; Г1: шедши ⁵В2, Г3: свирепиющую; В1,3,4; Г2; Д1,2: свирепеющую; Г1: свирепеюще ⁶В3, Г1: готовии ⁷Г1,2,3; Д2: полцы; Д1: польцы ⁸В2,4; Г2; Д1,2: Пафлягонов ⁹В2,Д1: между

Не рассматривая специально особенности изменений, вносившихся в текст (в целом — сначала исправляются несуразности латинского перевода начальной редакции,⁵ причем происходит отказ от латинизированных форм имен собственных; затем элиминируется слишком буквальное следование польскому языку оригинала), отметим наиболее заметное изменение, сделанное во второй редакции. Во втором фрагменте, вводящем текст Гомера как историческое свидетельство о «енетах», которых автор хроники представляет родоначальниками славянских народов, переводчик/редактор отказывается от предложенного Стрыйковским польского прозаического пересказа, дублирующего латинский стихотворный текст Гесса. Что выбор сделан в пользу последнего, не вызывает сомнений. Наиболее показательное различие латинского и польского текстов — использование абсолютной конструкции (*principe Pylemene*) или словосочетания с дополнением (*z xiqżęciet Pylemenessem*). В начальной редакции, где были переведены оба варианта, это различие не так явно (в княжение Пафлягона [!] / со князем Пилеменессом). Во второй латинская абсолютная конструкция передается ее наиболее близким славянским аналогом (князю сущу Пилемену). Также латинскому варианту соответствует появляющееся в конце фрагмента выражение «земледельцов плугом», — в польском толковании слово «agrestum» (букв. «крестьян, сельских жителей») из Гесса передано пространной парафразой «mężow prostych á cerstwych rolą się bawiących», из которой в перевод второй редакции попадает только слово «rolą» («плугом»; см. ниже). О том, что переводились латинские стихи, и в итоговой рукописи этот фрагмент должен был быть соответствующим образом выделен, говорит переписанная

⁵ Причины явных ошибок в переводе не вполне ясны. Обращает на себя внимание, что в ряде случаев они вызваны чтением источника, которые можно было бы объяснить работой с неисправным латинским рукописным текстом: «лвами (**leonibus* вм. *legionibus*) владеша»; «бысть соборище (**ag(g)ressum* вм. *agrestum*)». На существование в Москве списка «Хроники» на польском, возможно, указывает запись в каталоге библиотеки Троицкой семинарии 1761–1762 гг.: «*Historia polonica a Striukowscio conscripta in uno tomo — история польская от стриековского написанная*» (Кислова 2015, 161).

в B1 с протографа (и вычеркнутая) редакторская помета «под строку» после слова «плугом», предполагающая, что следующий (негомеровский) прозаический текст записывается с новой строки после горизонтального отступа.

Следует отметить аномальность решения, предпочитающего латинский оригинал польскому переводу, и для данного перевода в частности, и в целом для московских переводческих стратегий второй половины XVII века: нормальным при обращении со стихотворными фрагментами было исключение стихотворного текста или выбор для перевода польской версии. Это обстоятельство можно было бы рассматривать как замечательное и само по себе, однако в данном случае мы, кажется, можем предполагать решение еще более удивительное.

К сожалению, все списки второй редакции, включающие текст второй главы первой книги, поздние (начало — середина XVIII в.) и восходят к дефектному протографу. Даже на небольшом фрагменте, который мы здесь рассматриваем, он включал такие чтения, как «хкодну» вм. «х концу», «Лобани» вм. «Еобани», пропуск «Омир же», «или Адской» вм. «Илиадской», «сочисление» вм. предполагаемого «в счислении», «Сканий» вм. «Асканий». Не реконструируемый однозначно дефект приходится и на границу двух стихов латинского оригинала. «Paphlagonum... // Ex Henetis» передано в B1 как «паөлягоно^т бизенетовъ»; в B2 как «паөлягонъ би^зенетовъ»; в B4 как «паөлягоновъ би^зенетовъ». Если реконструкция общего для трех списков чтения «бизенетов» к конъектуре «из енетов», кажется, не должна встретить возражений,⁶ то чтение первого слова будет зависеть от того, какой будет палеографическая реконструкция протографа; она должна объяснить в том числе появление литеры «б» в начале второго слова. Относительно надежное суждение здесь будет возможно лишь после тщательного сличения всех списков во всем объеме, однако уже сейчас можно предположить, что вторая редакция восходит к несохранившемуся списку первой [A^B] (= UrBВГД), в который редактором вносилась правка. В таком случае чтение «пафлягон[ов] бизенетов» должно было стать результатом зачеркиваний и правки в словах слов «пафлагонские з [г]енетов» в начальном слое. Несмотря на то, что все списки третьей редакции (ВГД), также независимо восходящие к A^B, уверенно дают чтение «пафла[/я]гонов из енетов», вряд ли без дополнительных аргументов стоит отказываться от рассмотрения альтернативного чтения «пафлягон из енетов» в реконструируемом редакторском слое A^B как допустимого.

Приняв чтение «пафлягон из енетов» из списка B2 для реконструкции A^B, мы получим текст, представляющий собой не просто перевод стихотворного текста, но перевод стихотворный:

Князю сущу Пилемону приидоша полки пафлягон
Из енетов, идеже бе род многих земледелцов плугом <...>

⁶ Общая тенденция редакции на отказ от латинизированных имен собственных (в том числе названий народов) не позволяет предполагать, что *henetis* было передано здесь как «генетов»; чтение «енеты» доминирует в соответствующем разделе из главы о потомстве Ноя. Перевод предлога 'ex' как «близ» маловероятен. Таким образом, начальная «б» в «бизенетов» должна получать исключительно палеографическое объяснение, связанное с чтением предшествующего слова или характером соотношения слоев правки в протографе.

«Неточность», с точки зрения позднейшей истории стиха, рифмы 'пафлягон/ плугом' не представляет собой чего-то экстраординарного для виршевого стиха XVII века. Эпиграф к переводу хроники Стрыйковского, сохранившийся в списках второй редакции (Б1, Б2), предлагает «неточные» рифмы в трех из четырех рифменных пар: *свѣта/мѣста, мѣсто/яко, совводити/восхваляти* — виршевая рифма допускает в качестве нормативных характеристик разноударность и консонантное созвучие, а также (в меньшей степени) вариативность финальных согласных в последнем слоге.⁷ Сочетание всех этих элементов чрезвычайно редко, но не уникально.⁸ Стоит заметить, что еще в конце 1690-х гг. изысканный изосиллабист Карион Истомин использует неравносложный виршевый стих, сочиняя послания к царю Петру Алексеевичу от имени царевича Алексея. По остроумному замечанию А. М. Панченко, это связано с тем, что Карион смотрит на разные системы стиха «исторически», предполагая, что «силлабика “взрослеет” от неравносложия к равносложию, и ребенку прилично писать “немерным” стихом». Неупорядоченность длины стиха в этих посланиях не распространяется на рифму — последовательно следующую за довольно строгими правилами развитой силлабики. Кроме одного случая: в двух текстах рифменная пара, вводящая номинацию автора послания, использует по меньшей мере две из виршевых вольностей, указанных выше (консонантизм, вариативность финальных согласных), и, возможно, третью (разноударность): «аз юный сын / твой царевич Алексей» (Панченко 1973, 138–139).⁹ Если владение стихотворной техникой “взрослеет”, то там, где стих называет сочинителя и указывает на его возраст, он становится предельно «младенческим». Но все же стихом, — даже педагог, в совершенстве владеющий «взрослой» поэтической техникой, признает за подобной рифмой право на (пусть и минимальную) стихотворность.

Наоборот, аномальна уверенно читающаяся во всех списках группы конструкция «*земледельцы плугом».¹⁰ Палеографическая природа ее появления не вызывает сомнений: в А^В из начального текста первой редакции был сделан ряд вычеркиваний, позволявший предложить перевод второго латинского стиха на основании перевода польской версии из начальной редакции (полужирным шрифтом выделен невычеркнутый текст: «<Пилеменския> множества от Генетов, где многих народов

⁷ Ср. (использованы сокращения: РРД (Ранняя русская драматургия) = Державина, Робинсон и др. 1972; ВП (Виршевая поэзия) = Былинин, Илюшин 1989; в скобках приведен номер страницы) РРД — 'стран/взял' (111), 'боляром/делам' (116), 'обещен/обруган' (117), 'ныне/видел' (242), 'небесным/чудесно' (245) 'возношати/возвышен' (246), 'есть/отец' (249); ВП — 'торг/горд' (58), 'дров/гроб' (58), 'камень/прозванием' (73), 'своим/аминь' (93), 'учитель/Дмитрий' (93), 'есмы/есть' (105), 'любов/убог' (106, 107), 'солнце/сердце' (111), 'раб/отрад' (120), 'мать/надзиратель' (171), 'нетверд/вред' (172), 'многолетен/пресветел' (206), 'стоп/воплъ' (223), 'еретик/стоит' (234).

⁸ РРД: поживем/мире (246), раздел есть/твой отец (249)

⁹ А. М. Панченко цитирует тексты по публикации С. Н. Браиловского (Браиловский 1902) со сверкой с рукописными оригиналами «Карионовой руки». Повторяемость рифмы в двух текстах и автографичность записи не позволяют предполагать здесь напрашивающуюся эмендацию «сый/ Алексей».

¹⁰ Проверка по историческому подкорпусу Национального корпуса русского языка (ruscogroga.ru) по запросам «*ель[/*ць] на расстоянии 1 от s,ins» не выявила ни одной аналогичной конструкции. Ср. в «Настоящем» Велимира Хлебникова (1921): «Мы писатели ножом... Мыслители винтовой... Мыслители брюхом» (благодарю за указание на этот пример Ю. Кагарлицкого). См. также используемые в ироническом языке справочного портала Lurkmore выражения «писатель руками» и «певец ртом».

бысть соборище. Со князем, рече, Пилеменессом приидоша на помощь вои **Пафлагонские з Генетов**, се есть ис Сарматцкого народа славаков, **идеже бе велий род мужей простых, а бодрых, плугом** упражняющихся»). Интерпретация появления выражения «земледельцы плугом» как механического результата небрежного редактирования рациональна и вполне вероятна (причем разумнее предположить для нее незавершенную правку «упражняющихся» на другое слово — например, «трудящихся», — чем случайное невычеркивание слова «плугом»). Она не отменяет, однако, возможности увидеть здесь¹¹ сознательное художественное решение — услышанную созвучность «пафлягон» и «плугом», приводящую к использованию аномального, «сделанного», собственно поэтического языка, предельно неконвенционального в том числе на уровне рифмовки (но — заметим — соблюдающего равное количество слогов в стихе). Если перед нами действительно стихотворные строки, то Гомер звучит здесь говорящим стихом; содержание соответствует форме; неотесанные, противопоставленные «учителям» (*Doktory в польском оригинале) «земледельцы плугом» описываются положенным им языком — достижимым в стихе, но не прозе.

Повторюсь — даже если принимать чтение «пафлягон» в Б2 как ошибку переписчика или вполне рационально отказываться от интерпретации текста даже в этом списке как стихотворного, бесспорным остается тот факт, что на стадии второй редакции переводчик, выбирая между латинским стихотворным оригиналом и польским переложением, делает уникальный выбор в пользу стихотворного текста.¹²

Представляется, что авторство фрагмента и само его содержание были решающими для такого выбора. Четыре фрагмента из Гомера вводятся Стрыйковским в его хронику не случайным образом. Сведения из Каталога троянских вождей (Ном. II. 2, 852–853, 862–863) используются во 2-й главе I книги как древнейшие исторические свидетельства о тех народах, повествование о которых составит основу хроники — а) германцах и кимврах (предках литовцев), потомках Аскания, сына «Гомера Иафетовича», и б) славянах, потомках (через пафлагонцев) Рифата, другого сына того же (библейского) Гомера, внука Ноя. Позднее, в VIII книге (глава 7) описания огненных похоронных обрядов греков и троянцев при погребении Патрокла и Гектора из Илиады (см. Приложение) будут использованы для обоснования древности литовских ритуальных похоронных костров при погребении князей и надконфессиональной исторической ценности этого обычая, послужившего в период между двумя христианизациями Литвы основой возникновению Вильнюса.

Цитаты из Гомера оказывались у Стрыйковского базовыми точками отсчета, от которых отстраивалась национальная история. Для русского читателя и переводчика подобным статусом обладало только свидетельство о предках славян — т. е. то самое место о пришедших из Пафлагонии «земледельцах плугом» и их князе Пилемене. Работа с фрагментом из Гомера становилась здесь переводом первостепенного исторического источника и требовала — в соответствии

¹¹ Особенно с учетом того, что начальный перевод польской версии как более близкий к латинскому тексту используется здесь для точной передачи латинского оригинала, для чего включение слова «плугом» избыточно.

¹² Ср. в одном из фрагментов, приведенных в прил. 1, спорадический случай почти идеального гекзаметра: «Ель, топорами секомая, зучит, дуб и сосна, и в три / [дни]».

с принципами, выработанными в Посольском приказе для таких документов, — максимальной точности и, соответственно, ориентации на стихотворный оригинал, а не его польское прозаическое толкование. История славянского летописания неявным образом возводилась Стрыйковским к Гомеру,¹³ как история славянской поэзии — к Овидию (Николаев 1985). Московский переводчик делал эту роль Гомера более отчетливой.

Как и в случае с московским переводом Стрыйковского 1668–1678 гг., из всех его гомеровских фрагментов лишь то же свидетельство о Пилемене было переведено, и тоже, по-видимому, как древнейшее, относящееся к славянам, в составе т. н. Густынской летописи (Киев [?], 1623–1627). В приведенном здесь переводе обращает на себя внимание не только введение толкования для имени «Пилемен», но и альтернативный относительно позднейшего московского перевод «*multorum genus agrestum*» как «бывают изрядные кони»:

О<т> Енетов, иже от Пафлягонии пришествии, поминаеть Гомеръ, славный поета, пиша о троянской брани, сице глаголя: “Прийдоша Пафлягоны Трояномъ въ помощь со княземъ своимъ Philimenes, си есть Филимономъ, иже от Енетовъ изыйде, идеже бывають изрядные конѣ” (ПСРЛ 2003, 13).¹⁴

Учитывая (см. прим. 2, 5), что выписка и перевод могли выполняться с рукописи, записанной недостаточно каллиграфическим латинским шрифтом, можно было бы предположить, что «конѣ» появились здесь из чтения «*equum*» на месте «*agrestum*», однако другое объяснение представляется и более впечатляющим, и более оправданным и логичным. Несмотря на то, что Стрыйковский добросовестно копировал в свою хронику перевод гомеровских стихов из Гесса, в этом месте он столкнулся с опечаткой, допущенной еще в первом издании перевода (Hessus 1540, 62): «*multorum genus agrestum*» в соответствии с греческим оригиналом (ἡμίονων γένος ἀγροτεράων) бесспорно должно было читаться как «*mulorum genus agrestum*» («род диких мулов»). Таким образом, корректными оказываются оба восточнославянских перевода, — но чтобы в Густынской летописи появился текст с «конями», его переводчик должен был обратиться к подлинному тексту Гомера (либо альтернативному переводу, либо предложить конъектуру *ad hoc*¹⁵), — процедура чрезвычайно нетривиальная, указывающая на значимость именно этого фрагмента для компилятора летописи. Можно предположить, что

¹³ Сведения об историческом Гомере приводятся Стрыйковским сразу после разбиравшегося выше текста о Пилемене: “Здѣ ж Омир древнѣйши творецъ [в пол. ориг. — «Poeta», А. К.] (иже цветяше і живяше по войне Троянской лѣта 160 и пред началомъ Рима тожде много лѣтъ, во время царствованія у жидовъ Юсаѳата) ізрядне согласуется о немецкомъ предке Асканисе, тожде и о пафлягонахъ і енетахъ” (текст по Б2) с маргинальной рубрикой: «Homerus kiedy żył» (Когда жил Гомер).

¹⁴ О связи Густынской летописи с хроникой Стрыйковского см.: (Мансика 2005, 115–124; Мыщук 1976, 12). В предисловии к летописи, написанном иеромонахом Густынского монастыря М. П. Лосицким, сохранился перевод фрагмента из Одиссеи (Ном. *Od.* 1, 57–58) с известной формулой «дым отечества»: «Прирожоная есть якась, хуть и милость противно отчизнѣ своей жадному чоловѣкови, которая каждого не иначе и едно, яко магнесъ камен желѣзо, такъ до себе потягае, що оный поета грецкый Гомерус ясне до их въ своемъ текстѣ выразил, же ни о що недбаючи, кгда был от родства своего отдаленый през поимане, и юж[e] ся вернути не могль, прагнул ви[дѣ]ти наветь дымъ своей отчизны» (ПСРЛ 2003, 7); о судьбе крылатого выражения см. Корешков, Зельченко 2010.

¹⁵ Чтение *Pylemene* Стрыйковского / Гесса и Πυλαμένηος греческого оригинала не объясняет транскрипцию имени в летописи *Philimenes* и его толкование как «Филимон».

причиной здесь послужило то же, из-за чего текст Гомера был выбран для перевода в Москве, — его значение как первого исторического свидетельства по истории славян. Транслированное Стрыйковским чтение, предполагающее квалификацию «свакоков» как неотесанных крестьян, оказывалось в силу сказанного исторического значения неудовлетворительным. Сверка с оригиналом (или конъектура ad hoc) идеально решала проблему: перевод поэтического (требующего толкования, в том числе через филологическую работу) текста возвращал народу составителя летописи его благородную историческую природу — храбрых воинов, бесстрашно скачущих на диких мулах (превращение их в «изрядных коней» особенно отчетливо говорит об идеологии правки).

Век спустя это чтение Густынской летописи приглянется В. Н. Татищеву — он включит его в свою «Историю», проигнорировав, между тем, все прочие гомеровские фрагменты у Стрыйковского, хроника которого также служила ему источником.¹⁶ Выборочная внимательность к «пафлагонским» стихам Гомера у Стрыйковского сохранится в историографии, обращающейся к конструированию восточнославянской «картины нации», до наших дней.¹⁷

2. (ок. 1678) Эобан Гесс / Анджей Фрыч Моджевский / Циприан Базилик / аноним(ы)

Наиболее ранний из известных несомненно стихотворный перевод гомеровского отрывка публиковался дважды (Galster 1979, 19; Николаев 1989, 59).¹⁸ Он сохранился в составе перевода сочинения Анджея Фрыча Моджевского «О исправлении гражданского жития» (*De republica emendanda*, 1551), выполненного, как показала И. Гальстер, в 1678 г. в Посольском приказе с польского перевода Циприана Базилика (1577, до 1770 г. не переиздавался¹⁹). Латинский политический трактат Моджевского в части, переведенной в Москве, включал 32 латинские же стихотворные вставки (за единичным исключением — из античных авторов); все они были сохранены в польском переводе, где сопровождались (за исключением одной) польскими переводами, преимущественно стихотворными. В том числе в восьмой главе первой книги, трактующей о воспитании вельмож, используется цитата из «Илиады», переведенная на русский с опорой, как и все прочие, на польскую версию, 9, 438–443 (слова Феникса, обращенные к Ахиллу):

Даде мя тебе отец твой во истова учителя
И ко всякой добродетели во юности правителя,

¹⁶ «О тех же генетах Гомер, стихотворец греческий, воспоминает тако: Пафлагоны владел Пилемен, от генетов произшедший, где коней чистых довольно» (Татищев 1994, 320). Во второй редакции своего труда Татищев припишет это свидетельство автору другой поэмы: «Апполоний в стихах арнаутских поет тако: “Народ великой генетов с князем Пилеменом пафлагонским пришли на помощь войска от генетов”» (Татищев 1995, 88).

¹⁷ См. подробные, со сравнением основных западных источников, исследования сюжетов о венетах и Рифате в историографии XVI–XVII вв.: Мыльников 1999, 35–41; Жиленко 2002, 118–124.

¹⁸ С. И. Николаев цитирует текст по публикации Ирины Гальстер. Ученая приводит публикуемые переводы по списку ГИМ (Ув. № 790), который она признает за старший. Сличение текстов со списком РНБ (Ф. П. 57) не выявило значимых разночтений в публикуемом тексте. Оба списка ГИМ (Ув. № 790; Барсов № 2150) при подготовке настоящей статьи не привлекались.

¹⁹ O poprawie Rzeczypospolitej... Drukowano w Losku, 1577.

Да научишия от мене во брани добре ратовати
И между разумными разумне советовати.
О сих бо делех не знал еси в своей юности,
Чрез что людие приходят к славе и знаемости.
Но инако, веждь, вси славы не имеют,
Точию егда мужными и благоречивыми бывают.

Как и Стрыйковский, Моджевский использовал для цитирования Гомера латинский перевод Гесса, выпущенный всего одиннадцатью годами ранее, причем изменил текст, опустив подробности, связанные с отъездом Ахилла (текст: «Qui tibi, quo patria iuvenem te tempore Phthia / Misit ad Atridem Peleus, comes atque magister» превращен в «--Tibi a Patre comes atque magister»). Польский перевод Базилика выполнен правильными 13-сложными стихами (Dal mie tobie Oćiec twoy za Mistrza własnego / Aby cię z młodu ciagnal do wszego dobrego...). Русский переводчик передает их неравносложным стихом (в этом фрагменте — от 13 до 18 слогов; в целом по корпусу — от 9 до 23) с обязательной довольно строгой парной рифмовкой (по всему корпусу — абсолютный запрет на несовпадение двух последних звуков, преобладание [61 %] женских окончаний, запрет на более чем одну вольность в рифменной паре; высокая [35 %] доля богатых рифм). Используя почти исключительно (96 %) грамматическую рифму, переводчик добивается, между тем, заметной независимости от польской лексики в финальных позициях (совпадение корней только в 23 стихах из 52). Однако ни в одном случае отклонение от польского текста нельзя объяснить ориентацией на латинский, — они получаются путем изменения порядка слов в польском оригинале или синонимичной заменой. Так, в первом стихе перевода гомеровского фрагмента первая часть представляет собой почти полную кальку с польского (Dal mie tobie Oćiec twoy | Даде мя тебе отец твой), в то время как вторая варьирует оригинал (za Mistrza własnego / во истого учителя). Заметим, что рифма 'истого/доброего' (в польском двустушии — własnego/dobrego), вполне законная в системе виршевой рифмы, рассмотренной выше на примере гипотетических стихов из Стрыйковского, в урегулированном неравносложном стихе перевода из Моджевского оказывается недопустимой из-за чрезмерных вольностей: здесь и дактилическое окончание, и различие ударной гласной, и несовпадение нескольких звуков за ней. Так появляется второй стих рифменной пары, действующий не только изменением порядка слов и лексики, но и грамматические метаморфозы (Aby cię z młodu ciagnal do wszego dobrego | И ко всякой добродетели во юности правителя), — как бы то ни было, каждому слову перевода может быть сопоставлено слово оригинала. Рифма — основной предмет внимания переводчика; как следствие, — наиболее зависимыми от оригинала оказываются начальные цепочки слов в первом стихе двустушии.

Поскольку рифменное созвучие служит для переводчика основным и едва ли не единственным конституирующим признаком стиха, невозможным оказывается моностих. Отдельный стих не только недопустим в переводе, — он не ощущается, по-видимому, как поэтический текст и в оригинале. Об этом можно судить по следующему обстоятельству. Из 32 стихотворных фрагментов книги Моджевского стихами на русский язык достоверно переведено только 14. Еще два, по-видимому, также были переведены стихами, но пропали в протографе известных списков из-за

ошибки переписчика.²⁰ Почти все оставшиеся стихотворные примеры не только не были переведены стихами, но не были переведены вовсе. Однако, списки показывают, что перевод планировался — сохраняются не только контексты непере переведенных фрагментов, вводящие отсутствующий текст («говорит Медея...»), но и незаполненные горизонтальные пропуски, куда должен был быть вписан перевод, или маркеры, указывающие, что такой пропуск в этом месте был. Между тем, три стихотворных фрагмента из оригинала переведены прозой и вписаны в строку без графического выделения; во всех трех случаях это единичные стихи, при переводе которых Базилик не использовал рифмованных двустиший.²¹ Показательно, что в случае с одним из этих фрагментов московский переводчик специально проговаривает свой отказ видеть в переводимом тексте стих. Фрагмент стиха из «Энеиды» (6, 622) вводится в польском оригинале фразой «niewiem o ktorem z nich on wiersz napisano» (не знаю, о ком из них написан этот стих). В переводе к слову «стих» делается оговорка: «сий стих написано, или речено бысть». Переводчик, таким образом, отчетливо различает «стих» и «речь» (прозу), причем тот и другая качественно, а не только формально различны — требуют различных интеллектуальных усилий и навыков; в частности, стихи должны переводиться отдельно и, возможно, другим переводчиком, в то время как прозаические фрагменты не требуют подобной специальной рефлексии.

²⁰ В конце 3-й главы первой книги в переводе Базилика напечатан такой текст: “Тымже sposobem Quintilian pisze: iże w Práwie, wiele rzeczy nie wedle Statutu pisanego, ále wedle zwyczáiow zá vchale wzietych bywa stánowiono; Abo y Horatius Flaccus tym wirszem Laćinskim: / Mos & lex maculorum edomuit nefas. / To iest: / Zwyczaj dobry á ktemu pobożna vstává / Wywroćily niecnote, iż chybiálá práwá. / Tenże nápisal: / Quid leges sine moribus vane proficiunt? / To iest: / Ná co wielkie Státuty y Práwá piśáne / Gdy niebada zwyczáymy ludskimi zmacniáne? / Zás Ennius pisze: / Moribus antiquis res stat Romana, virique. To iest: / Zwyczáiem starożytnym á rycerzmi cnemi / Rzymska Rzeczpospolita trwa cżasy dawnemi”. В русском переводе по списку РНБ текст значительно короче (судя по тому, что приведенные ниже стихотворные фрагменты отсутствуют в публикации И. Гальстер, та же лакуна имеется и в уваровском списке ГИМ): «Темже обычаем Квинтилианус пишет о извете, яко во уставе много вещей, не по уложенных книгах писанных, но по нравех, вместо узаконения почитаемых, бывает влагаемых. людскими укрепленны. пишет: // нравом ветхим и вои изрядными, римское гражданство долгоденствуется веки древними» (стб. 10–11). Не вызывает сомнения, что здесь пропущен перевод текста от «Або у Horatius» до середины второго стиха второго фрагмента; грамматически аномальные, если читать их как связный текст, слова «людскими укрепленны» соотноствуют завершающим его «ludskimi zmacniáne». Таким образом, можно не только уверенно говорить, что стихами был переведен стих Энния (*Ann. F. 156 Skutsch*; сохраняю здесь принципы публикации текста И. Гальстер):

*нравом ветхим и вои изря́дными,
римское гражданство долгоденствуется вь́ки дрéвними,*

но также предполагать стихотворный перевод второго фрагмента из Горация (*Hor. Carm. 3. 24, 35–36*):

[...] <писанныи>
[...] людскими укрепленны,

а также, возможно, первого (*Hor. Carm. 4, 5, 22*).

²¹ В одном случае Базилик интерпретировал, по-видимому, полтора стиха септенария из «Евнуха» Теренция (2, 2, 17–18; ср. л. 39 об. издания Моджевского 1577 г.) как прозу. В двух других, однако (*Juv. 4, 204 — 205; Virg. Aen. 6, 622; ср. л. 54, 97 об.*), в польском переводе использован отдельный стих 13-сложника с «неправильной» цезурой после 8-го слога. Московский переводчик во всех случаях использует прозу (текст по списку РНБ): «яко же он ласкатель рече: есть род человечески, иже хошут, дабы их во всякой вещи знано, и несут; тем аз последую» (стб. 155); «он пенязи собравше, донося приложил есть и тако ему отвеща: При жития от чесо то либо бы был, благое есть обоняние» (стб. 219); «и не вем о коем из них сий стих написано, или речено бысть: Полагаше(!) уставы дѣлма дарованій, и паки я изменяше» (стб. 409; реконструируемый текст — <Полагаше> уставы <дѣля> дарованій, и паки я изменяше»).

Поскольку подготовка перевода трактата Моджевского предполагала, по-видимому, отдельную работу по переводу стихотворных фрагментов, представляет интерес вопрос, почему они оказались переведены не в полном объеме.

Исключив из рассмотрения единственный фрагмент, оставшийся в переводе Базилика лишь в латинском варианте (Нор. AP 304–305; л. 2 об.),²² а также переведенные прозой, можно заметить следующее. Не удастся найти ни содержательной, ни «авторитетной» (авторско-канонической) логики в распределении фрагментов на переведенные/непереведенные. Переводятся не атрибутированные в оригинале фрагменты из Гомера (см. выше), Клавдиана (*Cons. Hon.* 4, 209–301) и Лукреция (2, 991–992), но не переводятся атрибутированные — из Ювенала (8, 269–271), Марциала (6, 19) и Стация (*Achil.* 2, 414–421). Атрибуция текста в оригинале Вергилию или Овидию не гарантировала его перевода, между тем переведены единичные фрагменты, атрибутированные Теренцию, Эннию, «автору двустийшии Катона» и «некоторому ученому».²³ Переведенные и непереведенные фрагменты составляют в основном чередующиеся блоки, но это чередование невозможно объяснить, например, тем, что расшитые печатные листы оригинала раздали нескольким переводчикам, из которых кто-то справился с работой, а кто-то нет. Относительно надежно можно говорить о том, что ни в одном из переведенных отрывков нет языческих реалий (кроме парафраза «Марсовы дела») и, наоборот, все фрагменты, в которых они встречаются в польском источнике, не переведены. Ни один из непереведенных фрагментов не открывается рифменной парой, которая позволяла бы тривиальную транслитерацию корней в русский текст, в то время как среди переведенных их более половины.

Нет, таким образом, оснований предполагать, что гомеровский фрагмент из трактата Моджевского (без маркированного авторства в польском оригинале) был переведен потому, что что-то положительно отличало его от остальных: перевод делался из представлений о том, что стихотворный (рифмованный) текст должен переводиться рифмованными стихами; что он предполагает отдельную квалификацию и стадию труда, отделенную от перевода основного прозаического текста; и, наконец, фрагмент может быть не переведен, если он недопустим по содержанию или оригинал представляет ту или иную формальную сложность (необходимость создания рифменной пары без опоры на оригинал; насыщенность оригинального текста именами собственными и пр.).

Нельзя, между тем, сомневаться, что для Моджевского выбор цитаты из Гомера был принципиальным. Это — единственный в трактате стихотворный фрагмент из греческого автора, и он помещен в структурно значимом месте — главе, описывающей важность обучения для вельможи, и — более существенно — в том ее месте, где говорится о роли наставника. Образование, передача квалифицированного знания, конструирующего человеческое общество и власть, — в целом важная тема трактата, включающего специально выделенную книгу «О школе»; само сочинение Моджевского, учащее устройству государства, оказывается репрезентацией кон-

²² Можно предположить, что переводчик поэтических фрагментов не владел латинским языком. Текст рукописи показывает, что перевод в этом месте бесспорно предполагался.

²³ Единственным исключением может быть с этой точки зрения Гораций: из шести его фрагментов у Базилика атрибутированы только два, из которых один был переведен, а другой приходится на лакуну в сохранившемся тексте и, по-видимому, также был переведен (см. прим. 20).

струируемых в нем отношений власти и знания, а слова Феникса, сжато описывающие содержание его наставлений Ахиллесу — репрезентацией этой репрезентации, подчеркивающей, что искусство (гражданского и военного) управления берет начало в искусстве слова.²⁴ А. Н. Егунов убедительно показал, что древнерусская книжность была знакома с образом Гомера как учителя мудрости, и к концу XVII — началу XVIII в. его поэмы начинают восприниматься как «руководство словесности» (Егунов 1964, 7–28; Егунов 2001, 12–30). Переводы политических сочинений этого времени позволяют уточнить эту характеристику: «божественный»²⁵ Гомер наставлял не просто в риторике, но в риторике, понимавшейся как важнейший инструмент политики.

3. (1712–1722) Гомер / Юст Липсий / Симон Кохановский

Наиболее интересный случай среди ранних восточнославянских стихотворных переводов гомеровских отрывков находится в переводе «Увещаний и приклавов политических» Юста Липсия (1547–1606; *Monita et exempla politica*; первое издание — Антверпен, 1605), выполненном в Киеве, Петербурге и Москве в 1712–1722 г. иеромонахом Симоном Кохановским.²⁶

Перевод Кохановского распространялся не менее активно, чем рассмотренный выше анонимный русский перевод хроники Стрыйковского: известно 26 списков, самый поздний из которых датируется 1780-ми годами, причем, как и в случае с хроникой Стрыйковского, списки делались с рукописей, отразивших несколько стадий работы переводчика. Текст первой из них — завершенной в Киеве к 1712 г., когда Симон преподавал в Киевской академии, и подготовленный, по-видимому, по заказу киевского губернатора кн. Д. М. Голицына — сохранился лишь в двух поздних (1730-х гг.) списках, восходящих к одному дефектному протографу.²⁷ Вторая редакция, по-видимому, была вчерне завершена в Петербурге к 1721 г., после того как по приглашению Феофана Прокоповича Симон был переведен в Петербург, помогал Феофану в устройстве школы в Нарве и был наконец назначен на место проповедника Санкт-Петербурга. В последний год своей петербургской жизни Симон находился в конфликтных отношениях с Феофаном, и весной 1722 г. за преждевременное раскрытие планов Синода по назначению малороссийских епископов был подвергнут суду и сослан в Златоустовский монастырь в Москве, где оставался до отправки в Киев в июле того же года и где, по-видимому, завершил работу над переводом. Рабочие рукописи были перед отъездом проданы Синоду, они хранились в Синодальной библиотеке, и с них, по-видимому, не снималось копий;²⁸ вся

²⁴ О значении соответствующего места для европейских теорий политики и риторики см. Nelson 2012, 128–130.

²⁵ В начале 9 главы первой книги, следующей за той, где была приведена стихотворная цитата с переводом Гесса, Моджевский приводит прозаический пересказ обращения Морфея к Агамемнону (Нот. II. 2, 24–25), специально отмечая, что содержащееся в нем политическое наставление настолько важно, что влагается поэтом в уста не человека, но бога. Об этом месте у Моджевского см. Borowski 2003, 36–37.

²⁶ Наиболее подробный биографический рассказ о нем: Николаев 1999; см. также Николаев 1992; Николаев 1988.

²⁷ БАН 1.5.42; Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник. Инв. № 15182. К списку БАН восходит позднейший (1750-е гг.) список РНБ (Собр. Титова, № 1692).

²⁸ ГИМ Син 115; ГИМ Син 255.

оставшаяся традиция восходит к двум несохранившимся рукописям, созданным на их основе.²⁹

Последняя группа редакций включает одно из самых интересных переводческих предисловий этой эпохи, обосновывающее роль переводчика как не «порабощенного» соперника автора, противопоставляющее «штиль автора» «силе истории», и обосновывающее многочисленные изменения, внесенные в оригинальный текст (Пекарский 1862, 219). Для темы настоящей статьи представляет особый интерес, что одним из самых ярких типов этих изменений становится радикальный, подтверждающий декларации предисловия, подход Симона к стихотворным фрагментам. По большей части они исключаются вместе с сопровождающим их контекстом или заменяются собственным текстом Симона, не оставляющим памяти о древнем поэте, в духе той *parodia Christiana*, которая известна, например, по переводам Феофана Прокоповича из Горация (Николаев 2018). «*Quid haec aliud sunt, quam Sidus, & occulti miranda potentia fati?*» — строкой из Ювенала (7, 200) задает, например, Липсий вопрос о фатуме, приведшем на римский престол двух пастухов, изгнанника и раба. «*Вся же сия быша чудным смотрением Божиим*», — переводит это место Симон, используя библейскую форму сигматического аориста вместо несравнимо более частотной в его переводе причастной формы на -л. Глава о Божьем Суде заканчивается у Липсия цитатой из «Энеиды» (6, 620): *Discite justitiam moniti, & non temnere divos*. Симон включает ее перевод в моральную сентенцию о последней рассказанной в главе истории, маркируя контекст тем же сигматическим аористом: «[Сия же вся собышася и написашася в наказание наше], да опасно храним правду и да не презираем отмщения Божия». В остальных случаях близость к оригинальному тексту еще меньшая.

Один из лучших филологов своего времени, эрудит, составивший себе славу, среди прочего, «Политикой», в которой его собственная теория излагается через почти центонное переплетение цитат из десятков латинских и греческих авторов, в *Monita et exempla* Липсий почти не использует стихотворных вставок.³⁰ На более чем 200 страниц книги их всего 19; среди них ни одной из Горация или Сенеки; из Вергилия и Овидия — лишь по одной (*Virg. Aen.* 6, 620; *Ov. Fast.* 5, 23–25), зато дважды цитируются Лукан и Стаций, трижды — Ювенал, а также добавляется

²⁹ Списки разделяются на две группы по отсутствию (в старшей) или наличию (в младшей) в главе 9 второй книги двух *exempla*, заимствованных у одного из продолжателей церковной истории Ц. Барония (Vzovius 1616, 264–265; 1622, 526–627). Старшинство редакций устанавливается на основании вариантов текста. Рукописи старшей группы: РНБ F II 5; БАН 34.5.16; РГБ ф. 247, № 741; РГБ ф. 354, № 233; ГИМ Усп. 84; ГИМ Вахр. 120. Рукописи младшей группы: РНБ F II 48; РНБ F II 208; Харьковский университет, № 1775/с; ИРЛИ РАН, Древлеханилице, Перетц № 204; Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник. Инв. № 15287; ГИМ Ув. 959; БАН 34.6.53; РГАДА Разр. 6. Оп. 1. № 219; РГБ ф. 178, № 2745; ГИМ Ув. 541; ГИМ Епарх. 480; РГАДА Ф.1274, № 3059; Нижегородская областная универсальная научная библиотека. Ф.1. Оп. 2. № 130. Рукописи перечислены в соответствии с последовательностью стеммы. Текст Симона приводится в реконструкции, выполненной по спискам ИРЛИ РАН, РНБ F II 48 и РНБ F II 208. Благодарю Германский исторический институт в Москве за предоставленную в 2016 г. возможность ознакомиться со всеми рукописями «Увещаний и прикладов» и построить их стемму. В процессе работы над корректурой статьи было выявлено два списка «Увещаний и прикладов» из собрания ГИМ (Барс. 2160, Барс. 2161), познакомиться с которыми у меня не было возможности.

³⁰ См. современное критическое издание «Политики» с представительным биографическим очерком и сборник, специально посвященный «Увещаниям и прикладам»: Waszink 2004; De Bom et al. 2011.

один из опубликованных Липсием по рукописи фрагментов Луция Аннея Флора. Половина стихотворных цитат — греческие: изречение Солона, Феогнид, Пиндар, Эсхил, но чаще всего — Гомер, с латинскими переводами самого Липсия. 9 из 19-ти стихотворных отрывков исключены Симоном из перевода; в пяти случаях текст изменяется до неузнаваемости (с исключением упоминания о его поэтической природе; см. выше). Лишь пять фрагментов переведены с сохранением памяти об их источнике: один латинский, из Овидия, и четыре греческих: апофтегма Солона («Солион, мудрец Греческий, сице глаголет: блажен град, иже повеления единого царя слушает») и три отрывка из Гомера. Один переведен в стихах:³¹

- 1) Согласует сему и Омир преславный стихотворец, сице глаголющи: егда царь добрый и боящийся Бога царствует над множеством народа, ничтоже иное делает, точию правды смотрит; увидиши тогда изобилное гобзование плодов земных, доволные всем овощи, древес умножение, скотов и рыб изобилие, вся же сия Бог дарует правды ради царствующих (*Od.* 19, 109–114).
- 2) Такжеде и премудрый Омир написал, яко Бог праведных и веру хранящих человекоев любит, уповающих же на неправду и вероломцов всегда, аще и нескоро, казнит; аще же когда и замедлит на таковых казнь Божия, обаче послещеде на жене, на чадах или внуках явится (*Il.* 4, 158–162).
- 3) О чем преславный стихотворец Омир тако глаголет:
Сам той, ему же Бог власть даде царствовати,
Должен есть случаи людем разсуждати (*Il.* 2, 205–206).

Все переведенные отрывки расположены во второй части труда Липсия, разделенного на две книги, включающие, соответственно, 8 и 20 глав. Первая книга посвящена описанию добродетелей в целом; вторая говорит о том, как в самом основании должно быть установлено государство: доказывается, что лучшая форма правления — монархическая, рассматриваются формы получения власти монархом и устанавливается значение «примера властителя» для управления; а затем в двенадцати последних главах рассматриваются добродетели, необходимые монарху. Эти последние главы — композиционно наиболее важные в книге — содержат лишь семь стихотворных отрывков: все пять цитат из Гомера, разбавленные двумя латинскими — из Вергилия (автор не назван) и Овидия.³² Введение в политическое повествование текстов из Илиады и Одиссеи у Липсия, таким образом, не случайно: «царь поэтов» начинает вещать (все фрагменты извлечены из речей гомеровых богов и героев) там, где открывается сцена подлинной школы царей, и перед ним смолкают все иные поэты; Овидий допущен там, где его Полигимния говорит о сотворении мира, а Вергилий — в том месте, где сивилла описывает загробные страдания грешников.

Решение Симона переводить стихотворные фрагменты в этих главах, как представляется, следует за схожим пониманием поэтического текста и его функцией

³¹ О том, что в последнем случае мы имеем дело со стихами, говорят не только рифма и попытка соблюсти равносложность стихов с цезурой, но и оформление текста (выделение стихотворных строк или цитаты в отдельный блок) в списках старших редакций или наиболее близких к несохранившимся авторизованным протографам.

³² «Овидий преславный стихотворец глаголет, яко гонор есть отец, почитание же мати славы и величества».

в оригинале. Показателен здесь эпитет «преславный», которым Симон наделяет в своем изложении Гомера и Овидия. В латинском оригинале в соответствующих местах для его появления нет оснований («*iterum Homerus*», «*Homerus audiatur*», «*Ovidius decenter aperit*»). Выбор для Симона был, по-видимому, не случайным. Из всего многообразия эпитетов, используемых им для характеристики лиц, вовлеченных в символическое производство и распределение знания, он выбирает один, не относящийся специально ни к мастерству («искусный», «велеречивый», «ученый»), ни к нравственному содержанию стоящего за лицом знания («утешный», «жестокий», «злой», «окаянный», «проклятый», «(не)праведный»), ни к его надежности («верный», «достоверный», «древний», «премудрый»). Вместо этих частных свойств Симон с помощью эпитетов располагает поэтов (стихотворцев, панегиристов, ораторов, риторов, грамматиков) на шкале славы: *некий*, *знаменитый*, *славный*, *преславный*. Поле этих эпитетов в рамках перевода Симона негомогенно: если низшие элементы отражают лишь степень известности и могут прилагаться, например, не только к нейтральным «мужу», «человеку» или «гражданину», но и к заведомо (в рамках этого текста) греховным «жене» и «юристу» (причем возможна формула «славнейший, но не лучший»), то высший градус — «преславный» — оказывается степенью, более всего соответствующей царям.³³ Говоря о Гомере и Овидии как «преславных стихотворцах» («поэтах»), Симон не только маркирует свое знание о их сочинениях, но и усваивает им «царский» статус, связанный не только с обладанием знанием и умением искусно его представить в словах, но и с преодолением черты, отделяющей слова от дел.

Обе книги «Увещаний и прикладов» заканчиваются у Липсия главами, рассказывающими о том, что правитель обязан учиться и читать мудрые, в том числе исторические, книги, причем проявлять заботу к ученым людям, прежде всего — к поэтам и панегиристам. В обеих главах упоминаются сведения о том, как почитал Гомера Александр Македонский. Работая с соответствующим *exemplum* в более ранней главе, Симон вносит изменения (в том числе введением двух фрагментов из Плутарха) в подобранные Липсием фабулы о том, как Александр всегда старался держать книги Гомера при себе, проясняя тезис оригинала об отношении правителя к поэтам — *non amavit, sed coluit*. Степень этого почтения особенно явна в рассказе о споре Александра с приближенными относительно того, что должно храниться в уникальном ковчеге, найденном в сокровищнице Дария. Предложенные Александром сочинения Гомера предпочитают не нейтральному (вслед за Плутархом и Липсием) *alium*, но вводимым Симоном символам царской власти (в цитате курсивом выделены места, не находящие соответствия в тексте Липсия):

³³ Анализ лексики перевода Симона показывает, что он чрезвычайно охотно использует этот эпитет не только там, где он становится переводом оригинального латинского прилагательного (по большей части в сравнительной или превосходной степени — *illustrius*, *acer*, *optimus*, *nobilius*, *inclutus*, *pulcherrius*, *magnus*, *celebris*, *clarus*) или служит резюме обширной характеристики (14 употреблений для обоих случаев), но прежде всего — там, где оно не предполагается оригиналом (23 употребления). Чаще всего эпитет «преславный» («преславно») сочетается в переводе со словом «вождь» (10), а также глаголом «победить» и однокоренными (победа/победитель; 11), а также с лексикой, связанной с государственным управлением (град, царь, король, царство; 3). В случаях, когда «преславный» относится к неполитической лексике (муж, дело, имя; 5), соответствующее словосочетание встречается в характеристиках правителей (единственное исключение — жертвы Мессалины: «не изчисляю zde безчисленного несправедного кровопролития и убийства благородных и преславных мужей»). Из этого ряда выбиваются лишь два «стихотворца» — Гомер и Овидий.

Александр <...> не точию же в дому, но и на брани непрестанно чел книги и различные истории, наипаче же Омира преславного поэту греческаго, и егда долгим чтением утружден был и почити хотел, тогда вместо возглавия книгу Омира под главу себе полагал и, воспрянув от сна, абие чел, и чрез все житие свое не мог насытитися того чтения, егда же случися ему видети гроб Ахиллеса древняго и славнаго богатыря, вздохнув и рече: ни в чем тебе, преславный муж, не завижу, точию в том, яко не имею сицеваго писателя дел моих, яковаго ты имел еси (сиречь Омира). Еще же и отсюду великое его усердие и любовь ко ученым людям показуется, яко егда хотел раззорити и погубити некий град противный, тогда повелевал приставником воинским со тщанием искати во граде том человека мудраго и, обретши, живити и хранити его безбедно, что сотворил Пиндарю славному поэте тебанскому, егда бо за долгое противление повелел всех граждан тебанских смерти предати, тогда Пиндаря со всем домом его повелел пощадети; егда же Дариа царя персикаго победил, обретесе в сокровищах его един ковчежец, держащий паче иных сокровищ; в том егда иннии советоваху хранити венец его царский и скипетр; он отвеща: ничего zde не прилично есть хранити тако, якоже книгу возлюбленнаго Омира.³⁴

И композицию фабул, и общую оценку значения Гомера здесь можно соотнести с тем, как он предстает, например, в суплементе к «Истории Александра» Курция Руфа, составленном И. Фрейнгсгеймом, издание которого оставалось влиятельным до конца XVIII века (Schmidt 1964, 13–25; Ветушко-Калевич 2014, 108–109). Одна из глав первой книги здесь специально посвящена отношению Александра к Гомеру, причем сюжеты следуют в том именно порядке, как их приводит Симон, а начинается глава с такой характеристики: «Из древних писателей никого не предпочитал Омиру; о котором такого был мнения, будто один он наилучшим образом изъявил всю премудрость, к благосостоянию государств принадлежащую» (Крашенинников 1800, 22).³⁵

Итак, «преславный Омир» — непревзойденный учитель политической мудрости и непревзойденный же автор похвал царям — представляет идеальную модель места интеллектуала в мире, определяющуюся тонкой взаимозависимостью интеллектуала и правителя в утверждении и воспроизводстве своего статуса.³⁶ Судя по всему, именно признание за сочинениями Гомера этой исключительной позиции и приводит Симона к сохранению в переводе и его поэтических слов, и имени.

Поскольку Гомер в мире переводов политических трактатов рубежа XVII — XVIII в. — лучший учитель риторики, понимаемой как искусство управления, лучший наставник и идеальный автор истории, повествующей о добрых и худых примерах царей, стихотворная сторона его искусства перестает быть существенной сама по себе: христианизирующий прозаический язык оказывается подходящим

³⁴ Cp. Lipsius 1606, 87: «Ipse Alexander <...> Felix doctore, sed & felix ingenio. Cum non, ut plerique, leviter imbuit iis animum, nec statim, ut ad arma venit, artes fastidiit: sed & doctos in contubernio suo habuit, auditque; & ipse, cum licuit, assidue legit. Idque Homerum maxime, quem ita non amavit, sed coluit, ut cum in Dariana praeda scrinium, gemmis & auro cultissimum, repertum esset, alique alio destinarent; Imo, inquit, Homeri carminibus reseruetur: quasi pulcherrimum opus, pulcherrimo conditorio dignum esset. Sed & incubuisse, & indormisse eum saepe Homeri libris, traditur; vel ex eo, non vulgaris scientiae aut iudicii aestimaretur».

³⁵ Соответствующее место основано на II Рассуждении Диона Хрисостома о правлении.

³⁶ О развитии темы в литературе Екатерининской эпохи см. Позднев 2018.

для передачи его поучений без существенных потерь. Это соображение достаточно, как представляется, объясняет установку Симона на отказ от перевода стихотворных вставок оригинала, их христианизующую апроприацию или перевод прозой. Однако почему принимается решение переводить оригинал стихами?

Для ответа на этот вопрос следует, по-видимому, учитывать, что в своем переводе Симон оказывается независимым от латинского перевода двух гомеровских стихов у Липсия, предлагая, по-видимому, собственную реконструкцию греческого текста. Приведем последний, как он читается в *Monita et exempla*, перевод Липсия и текст Симона:

Εἷς βασιλεύς, ᾧ ἔδωκε Κρόνου πάϊς ἀγκυλομήτεω
Σκῆπτρόν τ' ἠδὲ θεμιστάς, ἵνα σφίσι βασιλεύῃ.

Unus rex, cui concessit Saturnia proles
Sceptrumque & leges, ut iudicet et dominetur

Сам той, ему же Бог власть даде царствовать,
Должен есть случаи людям разсуждати.

Ключевое для контекста Симона (цитата приведена в главке об участии правителя в суде) выражение «случаи людям разсуждати» не объясняется ни опорой на Липсия (*ut iudicet et dominetur*), ни греческим текстом второго стиха (*Il. 2, 206*), исключаемого в некоторых современных изданиях.³⁷ Липсий приводит текст по рукописной традиции (где стих сопровождался пометой *νόθος*, то есть «сомнительный»), отразившейся в современных ему изданиях; используя, по-видимому, конъектуру, предполагаемую схожим стихом «Илиады»: ἵνα σφίσι βουλευῆσθα (*9, 99*) или гомеровской цитатой у Диона Хрисостома в I Рассуждении о правлении: ἵνα σφίσι βουλευῆσιν (*Or. 1, 11*);³⁸ в изданиях гомеровского текста соответствующие конъектуры появятся только в 1711 г. у Дж. Барнса.³⁹ Появление в переводе Симона «людей» как объекта суда, предполагаемого этими чтениями и отсутствующего в переводе Липсия, указывает, как представляется, на самостоятельную рефлексию Симона над испорченным греческим текстом.

³⁷ Cp. West 2006, 50. Cp. Latacz 2010, 68: „Der Vers ist nur in wenigen Hss. überliefert, dort überdies mit dem metrisch fehlerhaften βασιλεύ(σ)η. Dion Chrys. Or. 1.11 liefert die *v.l.* βουλευῆσιν. Vermutl. stammt er von einem Interpolator, der bei δῶκε in V. 205 fälschlich ein Objekt ergänzen zu müssen glaubte <...>; das im vorliegenden Kontext unklare σφίσι <...> dürfte auf das Vorbild 9.99 zurückgehen <...>“

³⁸ Текст по изд. фон Арнима 1893 г. При подготовке статьи мне остались недоступными ранние издания Диона, однако латинский перевод 1555 г. (*cui sceptrum legesque dedit Saturnius ipse, / Ut iuste praesit populis, ac consulat aequa*) показывает, что Липсий мог иметь дело с текстом Диона, фиксирующим βουλευῆσιν, а не εμβασιλεύῃ (*sic!*) как в издании 1604 г. У Диона эти два стиха оцениваются как включающие вкратце всю суть царского правления и служат отправной точкой рассуждения о нем; об их статусе в I–III вв. можно судить, например, по спору Оригена с Цельсом (Villani 2012), однако сравнительно малое внимание к ним в раннее Новое время и отсутствие сведений о интересе в России петровской эпохи к сочинениям Диона не позволяет предполагать его влияние на Симона. Следует, впрочем, отметить, что финал второй речи Диона (тесно связанной с первой), включающий в том числе фрагмент из Гомера (*Il. 2, 480–484*) был переведен в Московском царстве в начале XVI века Михаилом Триволисом (Максимом Греком) и попал в Кормчую Вассиана Патрикеева; в середине XVII в. греческий список речей Диона первой половины XVI в. был привезен в Москву Арсением Сухановым (Иванов 2019).

³⁹ См. Barnes 1711, 63.

Следует отметить, что в переводе нарушена равносложность: при сохранении традиционной цезуры после шестого слога зацезурное полустипише в первом стихе «правильное» (7 слогов), а во втором сокращенное (6 слогов). Стоит ли объяснять это обстоятельство маловероятной попыткой передать сомнительность второго стиха у Гомера, ошибкой, возникшей при создании списков⁴⁰ или нетвердостью Симона в славянской версификации, не вполне понятно. Помимо цитируемого гомеровского фрагмента нам известен еще только один стихотворный опыт Симона: в составе выполненного им в 1717–1719 гг. перевода трактата «О законе естества и народов» (*De jure naturae et gentium*) С. Пуфендорфа читается оракул пифии из Элиана (*VH 3, 44*):

Защищаючи друга, убил еси друга.

Чисты от крови руки, едина и друга.⁴¹

Обращает на себя внимание не только изощренная стихотворная форма (помимо соблюдения равносложности и цезуры после 7 слога, — «квадратная» рифмовка, охватывающая все клаузулы стихов и полустипишей, в том числе с омонимичной неграмматической рифмой в клаузуле стиха), но и исключительность этого решения. Как и в случае с «Увещаниями и прикладами», переводится стихами единственный фрагмент во всей книге, причем в данном случае — очень обширной, в оригинале которой все без исключения стихотворные цитаты введены в прозаическую строку.⁴²

Можно предположить, что в обоих случаях оценка собственного, «авторского» вклада в перевод (прояснение темного места в оригинале; находка рифменного созвучия) оказывалась для Симона существенной при принятии решения о стихотворном переводе, — отношение к собственному творчеству сливалось здесь с высоким *plus ultra* статусом переводимого текста. В последней главе «Увещаний и прикладов», толкующей о «великодушии» (*magnitudo animi*) правителей, Симон присоединяет свой голос к Липсию, превращающему это рассуждение в проповедь необходимости государственной поддержки интеллектуалов, поскольку только они своими трудами могут обеспечить правителю «славу и бессмертие».⁴³ В финале одного из примеров об Александре Македонском, сообщающего о фантастической награде Аристотелю в «осмьсот талантов, нашим числом четьреста осмьдесят тысящей ефимков», данной учителю учеником за «историю о зверех», Симон превращает подчеркивающий удивление возглас Липсия (*Quid dicitis hodierni Principes? compello excitandos?*) в обвинение, утверждающее ценность интеллектуального труда: «Что зде речете, нынешнии князие, хотящии туне без всякаго кошту мудрых мужей при себе имети?»

⁴⁰ Читающийся в нескольких списках (в том числе старших) вариант «людеи» вм. «людем», если считать в нем финальную «и» полногласным звуком, ставит под вопрос квалификацию той же литеры в слове «тои» в первом стихе и, соответственно, его силлабическую регулярность.

⁴¹ Текст приведен по списку ГИМ Син. 255.

⁴² Соответствующее место у Пуфендорфа читается так (Пуфендорфом использован латинский перевод Юста Вултея, 1548 г.): «Sic apud *Aelianum* V. H. l. 3. c. 44 adolescenti, qui in socium ensem impulit, dum latronem ferire conatur, ita Pythia respondit: ἔκτεινας τὸν ἑταῖρον ἀνύων: οὐ σ' ἐμίανεν Αἴμα, πέλεις δὲ χέρας καθάρωτερος ἢ πάρος ἦσθα. *Defendens socium verso mucrone necasti: purior es manibus nunc, quam prius esse solebas.*»

⁴³ Полное название главы — «О великодушии: славы и бессмертия царю искати и желати подобает» (*De magnitudine animi. Famam & immortalitatem Principi proposita, & expendita esse*).

Один из первых читателей перевода Симона⁴⁴ обращает это обвинение (кажется, не без иронии) в арифметическую задачу и пишет на поле: «Всякой талант имеет в себе наших шесть сот ефимков или рублей». Тот же читатель ниже на пример о Гиероне, отославшем Архимелу корабль с «тысящею мер пшеницы» в награду за похвалу, написанную тем на гигантский корабль, построенный царем, замечает: «Сей автор как славу, так и подарки ровно любил»; а затем из сведений о милостях, которые Веспасиан оказывал ученым и поэтам,⁴⁵ заключает: «Лехко всяк видить может, что любишь больше подарки, нежели славу». Читатель, таким образом, не хуже переводчика знал, что «слава» — главное качество, отличающее мнимого поэта от истинного (или предстает таковым в прочитанной книге). Поскольку в выстроенной таким образом модели поэзии «слава» поэта всегда зависит от того, что он говорит о других (в ломоносовской *Риторике* эта вечно вертящаяся монета отчеканена в такую «витиеватую речь»: «Гомер, когда прославлял других своими стихами, тогда и сам себя вечной памяти предал»), оправдание поэтического и в целом интеллектуального труда требует дополнительной опоры, — того именно качества, которое отличает стихотворца просто «славного» от «преславного», подобного Гомеру. Поэтические опыты Симона в переводах из Липсия и Пуфендорфа указывают, как представляется, что этим качеством становилось божественное вдохновение. Как бы тривиально ни звучало это объяснение, но, по-видимому, Симон переводил стихами там, где внезапно понимал, что ему удастся переводить стихами.

4. (1747) Гомер / Николая Коссен / Сэмюэль Кларк / Михаил Ломоносов

Все сказанное позволяет взглянуть в новой перспективе на известный опыт стихотворного перевода двух обширных фрагментов из «Илиады», сделанного М. В. Ломоносовым в составе «Краткого руководства к красноречию» (1747/8).⁴⁶ Ясно, что принципиальной новостью в этом случае не были ни стихотворная форма перевода, ни (гипотетичная для Ломоносова) работа с опорой на греческий оригинал, ни обращение к дополнительному источнику при работе с одним основным пособием. Уже после того, как А. Н. Егуновым было опубликовано чрезвычайно тщательное и глубокое исследование ломоносовских переводов, был найден экземпляр «Илиады» из личной библиотеки Ломоносова (Тимохина 1974; Кулябко, Бешенковский 1975; Беляева, Леонов 2011). Мы знаем теперь наверняка, что, отказавшись переводить разрозненные фрагменты из речи Улисса к Ахиллу, приведенные в бывшей у Ломоносова на столе риторике Коссена лишь по-гречески, он использовал издание И.-Г. Хагера, включавшее латинский построчный перевод С. Кларка.⁴⁷ Из двух переведенных Ломоносовым в *Риторике* гомеровских фраг-

⁴⁴ Список РНБ F II 48, происходящий из библиотеки Д. М. Голицына; судя по почерку, пометы сделаны другим лицом.

⁴⁵ «Веспасиан аще и скуп бяше, обаче учение и ученых людей велми любил, ибо (по свидетельству Светония) латинским и греческим риторам давал на всякий год жалованья по две тысячи и по пять сот ефимков; тот же Веспасиан некоему славному стихотворцу и панегиристу своему даровал дванадцать тысящей и пять сот ефимков».

⁴⁶ См. Егунов 1962; Егунов 1964, 29–39 (2001, 30–39).

⁴⁷ Hager 1745. Первое издание перевода Кларка, ставшего для XVIII века стандартом, вышло в 1729.

ментов за латинским текстом Кларка следует лишь второй (§ 152; *Hom. II.* 8, 1–15);⁴⁸ в первом не исключено дополнительное влияние другого перевода — в том числе, возможно, старого текста Гесса.⁴⁹ Нас, однако, в данном случае будут интересовать не отдельные сопоставления, но, как и в предыдущих примерах, более общий вопрос — что дает факт фрагментарного стихотворного перевода из Гомера, в том числе использование для такого перевода издания, содержащего полный текст поэмы, для понимания специфики представлений о поэзии в конце XVII — первой половине XVIII в.?

Художественный вымысел составлял, по-видимому, для Ломоносова основной теоретический интерес при работе над «Кратким руководством к красноречию». Летом 1748 г. были полным тиражом перепечатаны изданные годом ранее страницы с вводными параграфами главы «О вымыслах», где ряд положений излагался Ломоносовым по-новому (Костин, Лемешев 2017; Лемешев 2018). В их числе был и § 152, содержащий второй фрагмент из Гомера — тот самый, что вошел в *Риторик* вне влияния посредствующих пособий, и был переведен для этого почти дословно по подстрочнику Кларка. В начальном варианте рассказ Гомера о том, как на заре Зевс собирает на Олимпе богов и богинь, чтобы запретить им вмешиваться в битву у Трои, служил примером «прямого вымысла» — такого, который употребляется «героическими стихотворцами в <...> поэмах» «наподобие подлинных деяний без всяких оговорок». В ломоносовской системе классификации «прямого вымыслу» противопоставлен «косвенный», т. е. «умягченный»; такой, о котором сам автор сообщает, что это лишь вымысел, и таким образом не погрешает против правды. Примером «прямого» вымысла служат стихи из Гомера; «косвенного» — из Ломоносова («Когда бы древни лета знали...»). Пример «нового» автора (и составителя риторик) предстает более нормативным («с правдою сопрягается и к ней ближе подходит»).

В полной мере идея, которую старается здесь представить Ломоносов, проявляется только в финальной редакции, где «прямой/косвенный» вымысел становится подвидом вымысла «частного». Разделение вымыслов на «целые» (когда вымыслом оказывается все произведение целиком) и «частные» (элемент, художественный прием, вводимый в произведение «для его возвышения») было главной новацией, ради которой Ломоносов предпринял перепечатку полного тиража восьми отпечатанных годом ранее страниц. Это различие было введено в переработанный § 150; в качестве образцов «частных вымыслов» здесь указаны примеры из §§ 153 (ломоносовский «Когда бы древни лета знали...»), а также 162 и 163 (из Цицерона и Иоанна Златоуста), — во всех случаях вымыслов так или иначе «умяг-

⁴⁸ Ср., например, передачу здесь стиха *II.* 8.7 (*Ne qua igitur foemina dea hoc, neu quis mas*), о ломоносовском плеонастическом переводе которого (*Ни мужеск пол богов, ниже богинь пол женский*) А. Н. Егунов замечает, что «в любом латинском переводе <...> гречизм [θηλεια θεος <...> αρσεν] непередаем. Следовательно, Ломоносов имел здесь перед собой греческий текст».

⁴⁹ Заметным расхождением двух фрагментов оказывается различное отношение к гомеровским эпитетам: они сохраняются во втором и почти полностью игнорируются в первом, что могло быть следствием работы с (поэтическим) переводом. В частности, большая часть эпитетов, отмеченных А. Н. Егуновым применительно к фрагменту из § 115 как исключенные Ломоносовым, отсутствует у Гесса. Здесь же находит себе соответствие место в переводе Ломоносова, не отвечающее, как замечает А. Н. Егунов, гомеровскому тексту: «Уликс <...> налив чашу вина и *хотя нуть*, говорит»; ср.: «Ulysses <...> magnum cratera Lyaeo Ipse implens, magno praegustans fatur Achilli».

ченных», сопряженных с «правдой». Гомеровский пример из § 152 может быть в таком случае рассмотрен как ненормативный, образец того, какой не должна быть поэзия, — сочиняющей басни, предлагающей их без оговорок под видом правды. Здесь узнается ущербный Гомер из спора «древних и новых» — автор, превращающий рассказ об историческом событии в поле битвы баснословных богов, ставящий под сомнение правду и в этом качестве неприемлемый.

Последующий опыт Ломоносова в переводе из Гомера — передача четырех стихов о гиганте Нептуне (II. 17, 17–20)⁵⁰ в письме к И. И. Шувалову от 16 октября 1753 г. — связан с той же проблемой поэтического баснословия и правдоподобия. Отвечая на критику «надутых», гигантских образов в своих одах, он обращается к опыту «древних и новых стихотворцев», хотя цитирует только древних (Гомера, Вергилия, Овидия — в таком порядке), а за опытом единственного нового (Камозенса) отсылает к специально толкующему поэтический гигантизм параграфу собственной *Риторики*. Резюмирующий вывод к этим цитатам, подчеркнута перенасыщенный ключевым для темы письма словом «великий», снимает патину с истершегося тропа: «Сим подобных высоких мыслей наполнены все великие стихотворцы, так что из них можно собрать не одну великую книгу. Того ради я весьма тому рад, что имею общую часть с толь великими людьми, и за великую честь почитаю с ними быть опорочен неправо; напротив того, за великое несчастье, ежели зоил меня похвалит» (Ломоносов 1952, 492). Величина, незримо превращающаяся в величие, наглядно объявляется здесь ключевым элементом поэтического sublime,⁵¹ — элементом, без которого невозможна (в этой системе) подлинная поэзия, да и поэзия вообще, в том числе создающаяся «зоилами». Известно, например, что оды Сумарокова также не обходились без возвышенной (в том числе гигантской) образности, и его пародийные «Вздорные оды» отсылают к языку сумароковской поэзии не в меньшей степени, чем ломоносовской (Алексеева 2008).

За лежащим на поверхности оправданием поэтического гигантизма в письме Шувалову через практику «древних» стоит, между тем, теоретически значимая отсылка к опыту «новых». Для письма Ломоносов вновь переводит Вергилиевое описание Полифема, читавшееся в «гигантическом» § 158 *Риторики*: через пять лет старый перевод перестал его удовлетворять. Между тем, «подражание» этому месту у Камозенса остается неизменным, на него достаточно дать отсылку. Гиганта португальской поэмы от Полифема в описании Вергилия отличает одно важнейшее качество, — этот вымысел «косвенный», «умягченный»; он предстает в заявленном поэтом «мечтании» — как введенный в тот же параграф ломоносовский «грозный исполин», «духом узренный». Таким образом, и через пять лет после *Риторики* Гомер — поэт остается для Ломоносова создателем исполинских басен, сомнительным с точки зрения идеальной поэтики.

⁵⁰ А. Н. Егунов справедливо отмечает, что первые два стиха четверостишия переведены Ломоносовым с французского перевода Буало в трактате Псевдо-Лонгина; для двух заключительных, однако, использован подстрочник Кларка, маркирующий курсивом вставку в переводимый текст: «Ter quidem protendit gessum, quarto autem passu pervenit ad locum destinatum»; ср. у Ломоносова: «Трикраты он ступил, четвертый шаг достигнул / До места, в кое гнев и дух его подвигнул».

⁵¹ Важные соображения о взаимосвязанности величия и величины и ее значения для поэтики Ломоносова см. в статье: Осповат 2002.

Предложенный обзор первых восточнославянских опытов стихотворного перевода фрагментов из сочинений Гомера может служить, как кажется, наглядной моделью усвоения этой культурой стихотворного письма как особого типа человеческой речи со всеми ценностными и содержательными характеристиками, стоящими за формальными особенностями. Если наличие русских стихотворных переводов (в том числе с украинского) уже в начале XVII в. говорит о том, что «в 1620 — 1630-х гг. вопрос о самой возможности стихотворного перевода был решен, и решен положительно» (Николаев 1989, 55), это вовсе не значит, что вместе с представлением о возможности использования формально выделяющейся речи для передачи стихов пришли представления о том, что поэтический оригинал должен быть преобразован в поэтический перевод. Собственно, на вопрос: «можно ли переводить стихотворный текст стихами?» — практика XVII — начала XVIII вв. отвечала «можно, но можно и не...», а на вопрос: «следует ли?» — «это как посмотреть, и потом — что такое стихи?» Даже Ломоносов в *Риторике* далеко не всегда переводил стихи стихами (Костин 2017, 82–83), хотя относительно редкие случаи передачи у него стихов прозой следует, наверное, считать скорее отступлением от принципа. Для переводчиков XVII века, как мы видели, этот принцип был значительно менее очевидным. Предположительно, для того, чтобы он выработался, вербальная культура должна была сжиться с представлением о том, что за стихотворной формой стоят особые эссенциально связанные с ней смыслы, невосполнимые в случае передачи текста прозой. Нужно признаться, что мы все еще плохо понимаем, когда и как формировались эти представления. Можно надеяться, что фундированный ответ на этот вопрос возможен, и материал стихотворных фрагментов в прозаическом тексте — в связи с дополнительными условиями выбора, создающимися им, — станет здесь одним из решающих.

Описания похорон Патрокла и Гектора по московскому переводу Хроники Мацея Стрыйковского 1660–1670-х гг.

Как и в случае с двумя фрагментами из списка троянских вождей, два фрагмента с описанием огненных похорон из последних книг «Илиады» (23, 163–182; 24, 782–799) были приведены в «Хронике польской, литовской» М. Стрыйковского по латинскому переводу Эобана Гесса. Мотивом для включения фрагментов в историческое повествование (гл. 7 восьмой книги) для литвина Стрыйковского послужил рассказ о похоронах в 1272 г. легендарного литовского князя Швинторга его сыном Гермонтом в местности, на которой позже возникнет Вильнюс, чем объяснялось появление там княжеских курганов, — таким образом литовское язычество получало рамку гомеровской героики и лишний раз подчеркивалась значимость главного литовского города.

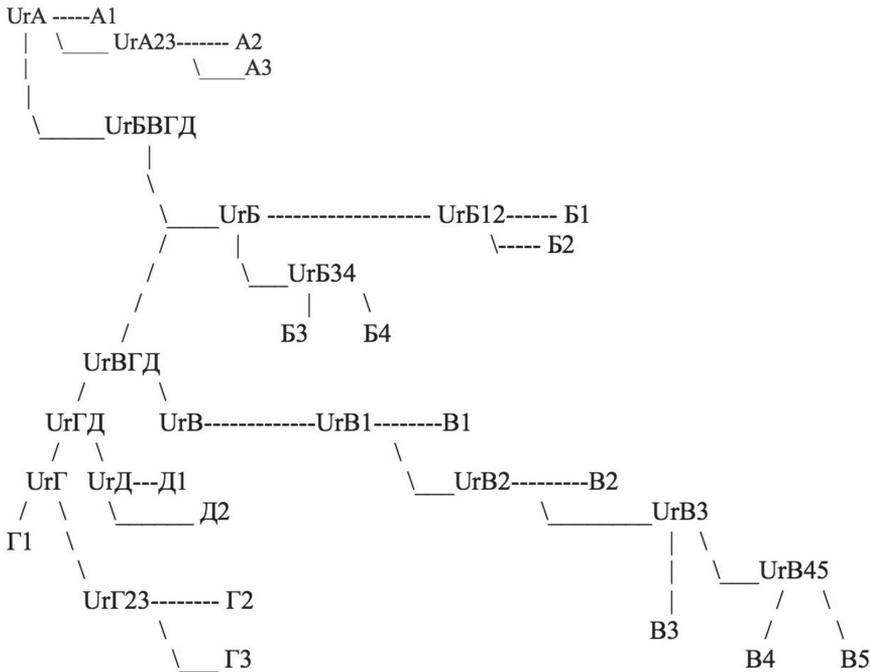
В отличие от тех же гомеровских фрагментов из первой книги, перевод гомеровских похоронных фрагментов во всех списках «Хроники Стрыйковского» представляет одну редакцию. Текстология этого памятника все еще остается неясной. Впервые подробно исследовавший его А. И. Рогов расположил выделенные им две редакции по кодикологическим основаниям, на основании даты, повторяющейся на титульных листах нескольких списков. Редакцию, представленную списками, текст по которым воспроизведен выше при цитировании гомеровских фрагментов из первой книги под номером III, А. И. Рогов считал начальной, а те, что воспроизведены там же под номерами I и II, объединял в одну и считал более поздней, сложившейся в результате редактирования исходного текста. Как представляется, различие в «поздней» редакции А. И. Рогова двух изводов, зависимость «старшей» от одного из них и предшествование ему другого не позволяет вполне согласиться с подобным соотношением.

К сожалению, никто из исследователей, работавших с «Хроникой» Стрыйковского, до сих пор не пытался взглянуть на историю текста через построение стеммы. В частности, Кристина Ватсон, проделавшая наиболее впечатляющую работу по сопоставлению и публикации вариантов в списках (для первых глав IV книги; по спискам «старшей», по А. И. Рогову, редакции) эксплицитно отказывается от этой задачи. Не ставил ее и А. Золтан, опубликовавший фрагмент с изложением Легенды о святой Урсуле по тексту одного из списков ГИМ с выборочными вариантами по двум другим спискам (Золтан 2006).

Задача осложняется тем, что перевод Хроники выполнялся, по-видимому, разными переводчиками, и для отдельных фрагментов соотношение редакций и списков может различаться. Как бы то ни было, попытка построить предварительную стемму на ограниченном материале описаний похорон Патрокла и Гектора дала результат, соответствующий соотношению текста в случае с фрагментами из Гомера в I книге. Получаемое в результате составления стеммы распределение списков на группы В, Д и Е соответствует той группировке, которая выполнена Кристиной Ватсон по кодикологическим данным и группировке вариантов. К сожалению, при подготовке статьи мне остались недоступны списки Упсальского университета (Slav 26–28), Государственного исторического музея (Забел. 271; Черт. 121), Владимиро-Суздальского историко-художественного и архитектурного музея-заповедника (Владимир, № 405) и Ульяновского дворца книги (ОРРК, № 8), два из которых (Владимир и Ульяновск) представляют особый интерес, поскольку, судя по описаниям А. И. Рогова, С. И. Николаева (Николаев 2008, 101–104) и К. Ватсон, относятся к двум ранним группам редакций (А или Б).

При реконструкции начального текста перевода (UrA) за основу берется список А1. Изменения в него вносятся там, где текст бесспорно отходит от лагинского оригинала (по печатному тексту Стрыйковского 1582 г., с. 346–348; соответствующие варианты по этому изданию приводятся в примечаниях с сиглой St1582), с иерархическим предпочтением чтений списков А 2, 3, Б 1–4, В 1–5, Г 1–3, Д 1, 2. В той же последовательности варианты приводятся в примечаниях. В примечаниях не приводятся орфографические варианты и варианты, уникальные для отдельных списков (кроме А1). При передаче текста используются правила, изложенные в прим. 3.

Предварительная стемма списков Хроники Стрыйковского

Легенда списков: **A1** — БАН, Архангельское собр. С № 136; **A2** — РГАДА, ф. 181, оп. 1, № 59; **A3** — РНБ, Эрм. собр., № 5516; **B1** — ГИМ Ув. 4; **B2** — БАН 32.11.4; **B3** — РГБ Муз. собр. № 606; **B4** — РГАДА, ф. 181, оп. 1, № 620; **B5** — БАН 31.4.32; **B2** — РНБ F.IV.103; **B3** — РНБ F.IV.103; **B4** — ГИМ Муз. 1391; **B5** — Ярославский государственный педагогический университет, Б-5691⁵²; **G1** — РГАДА, ф. 181, оп. 1, № 58; **G2** — ЦГИА СПб, библиотека, № 58922; **G3** — РГБ, Собр. Егорова, № 243; **D1** — РНБ, Эрм. собр., № 551; **D2** — РНБ Пог. 1759.

А Гомер¹ в те слова лепо² описует его, погребение³ Патрокла⁴ Ахилессова возлюбленного, от Гектора убитого, в книге 23.

Тогда, коим приказано было, собрав все орудие⁵, сотворяху пиргу, от четырех стран равну⁶, но всякая чином долга сто стоп⁷, и на них полагаху Патрокла бездушного и многих по обычаю двоезубых и кривоногих и выборные быки битые⁸ пред пиргою вкрут клали,

⁵² Благодарю Ф. А. Ермошина за предоставленную возможность ознакомиться с этим списком по электронным копиям.

и тех жиром всего бездушного окрывал⁹ Ахиллес¹⁰ от ног¹¹ даже¹² до главы, и круг побитых телес сосуды, благоуханны¹³ мастию¹⁴ и медом,¹⁵ поставив. И тако¹⁶, на стрелах лежа, и плач от сердца выдавая, четыре изрядных туловищ конских созженному¹⁷ придаде¹⁸, и от псов, которых по обычаю кормил, девять пар, и трижды¹⁹ по²⁰ четырежды изрядных²¹ юношей от честных²² ²³ крови троянские, свирепым сердцем убивая, приложил; а потом, огню сия вся поядающу²⁴, сердцем зело воздыхая, дважды восклицая, говорит²⁵ к другу²⁶: здравствуй, глаголет, Патрокле под сенми подземными²⁷ и радуйся, яко обещанием моим все должности исполних²⁸, с тобою сожигаются телеса троянских юношей.

А Гекторов²⁹ <погреб>³⁰ сице изобрази печальными стихи.

Сице глаголет³¹: они охотных³² верблюдов³³ и возы уготовляху³⁴ и волы впрегаху безо всякие мешкоты. И готовы собираются все при вратех и в лес идут. Ель, топорами секомая³⁵, звучит³⁶, дуб и сосна, и в три дни запас³⁷ уготовляют³⁸ и на возах все свозят³⁹. В десятый день устрояется пирга, полагается сверху Гектор бездушный⁴⁰, а потом, приносящи⁴¹ корму⁴², повергают пламени, и жестокие огни мешают. В последней⁴³ день собираются и огонь угасити⁴⁴ начинают⁴⁵, и с великими слезами белеющися⁴⁶ кости⁴⁷ братия ис под⁴⁸ пепелу⁴⁹ выбирают и испосреди⁵⁰ уголья горящего, и в злато уготованое⁵¹ ведро⁵² полагают⁵³, покрытое тонким покровом, в землю закопывают и кругом камня⁵⁴ великия окладывают. И сице честнаго гробу поставляют памяти⁵⁵.

¹В1 (финальный. слой), Г2, Г1, Г3: Омир; В2, В4: Гумар; В3: Гумер; Д1, Д2: вмир; ²А1, А2, А3: лето; В2: лено; Г1, Г3: [нет]. Str1582: pięknie; ³его погребение — St1582: gogrzeb (!); ⁴В1, В2, В3, В4, Г1, Г2, Г3: Патрокля; Г1, нач. слой: навъ роля; ⁵А2: рудие; В1; В2; В3; В4; В5; Г1; Г2; Г3; Д1; Д2: оружие; ⁶В3, В4: ровну; В5: равно [испр. из ровно]; ⁷сто стоп — Г1: стая; Г3: стоит; ⁸А2: [нет]; В1: битыи (испр. из битые); В2, В3, Г1: биты; ⁹А1: скрывал; В5: окрывали; Д1, А2: открывал; Str1582: contexit; ¹⁰А1, В4, В2, В3, В1: Архилес; А2: Архилев; А3: Аххилес; В1, В3, В4, Д1: Ахилес; В2, В5: Ахилесс; Г1: Акилест; Г2: Акилес; Г3: Акмес; Str1582: Achilles; ¹¹от ног — А2, А3, В3: онаго; ¹²В1, В2, В3, В4: даже и; Д1, А2: даж; ¹³В2, Г2, Г3, Д1, Д2: благоуханныи; В5: благоуханные; Г1: благоуханная; ¹⁴В1, В2, В3, В4, В5, Г1, Г2, Г3, Д1, Д2: с мастию; ¹⁵В1, В2, В3, В4: меду; ¹⁶А2, А3: так; ¹⁷А2, В1, В4, Г1, Г3: сожженному; Д1: созженном; Д2: созжено; ¹⁸В4, В5, Г1: предаде; Д1: придав; Д2: [нет]; ¹⁹и трижды — Г2, Д2: трижды; ²⁰В1, В2, В3, В4, В1, В2, В3, В4, В5, Г1, Г2, Г3, Д1, Д2: и по; ²¹В2: и зрядных; В3: и рядных; ²²В1, В3: сесные; В2, В2, В3, В5, Г1: честные; В4: чесные; ²³от честные — В4: [нет]; ²⁴В2: поядающа; Д1: поядающе; ²⁵Г1, Г2, Г3: горит; ²⁶Г1, Г2, Г3: другому; ²⁷А1; А3: земелными; В2, В1, В2, Г2: земными; Str1582: infernis; ²⁸Г1, Г3: исполнив; ²⁹А1, А3: Гекторные; В4, начальный слой: Гекто..м; Д2, В5: Гекторово; Str1582: Hektorow; ³⁰А1, А3: погребении; А2, В1, В2, В3, В4, В1, В2, В3, В4, В5, Г1, Г2, Г3, Д1, Д2: погребение; Str1582: Pogrzeb; ³¹Сице глаголет — В1: [нет]; «сице глаголет» вычеркнуто; В2: [нет]; В5: глаголюще; Д2: Сице глаголют; ³²Г1, Г3: хотных; ³³Г1, Г3: велбудов; Г2: велблюдов; ³⁴В1, В2, В3, В4: уготовляют; ³⁵Д1: секома; Д2 сеци; ³⁶В1 (начальный слой): учит; В1: звучит; В2, В3, В4, В5, Г1, Г2, Г3, Д1, Д2: [нет]; ³⁷Г1, Г3: за час; ³⁸А1; А3: изготовляют; Str1582: caedunt; ³⁹А2: свозит; А3: возят; В2: свозат; ⁴⁰А2; В2, В3, Д1: бездушны; ⁴¹А1, В2, В3, Г1, Д2: приносящи; В4, В5: приносящих; Str1582: ferentes; ⁴²В3, В4, В5, Г1, Г2, Г3, Д1, Д2: корм; ⁴³В1, Г2, Г3; последний; В2, В3, Г1: последни; В4: последн; ⁴⁴В5, Д2: угасати; ⁴⁵В2, В4: начинаут; ⁴⁶А2: белеющися; В1, Г2: белеющись; В3: белеющи; В4: белеющице; ⁴⁷белеющице кости — В2: белеющи кости; В3, В4, Д1, Д2: белеющи ис кости; В5: белеющи, и костей; ⁴⁸ис под — А2, В1, В3, В4, В1, В2, В3, В4, В5, Г2, Г3, Д1: испосреди; В2, Г1: и посреди; Д2: посреди; ⁴⁹А1, Г3, нач. ред.: пелу; А2: пепели; В1, В2, В4: по нему; В3: по нем; В5: пепела; Г1, Д2: пеплу; Str1582: cinere; ⁵⁰А2, Г1, Г3, Д2: посреди; ⁵¹В1, В2, В4 В1, В2, В3, В4, Д1: уготовано; В5, Г1, Г2, Г3: уготованно; ⁵²уготованное ведро — Д2: ведро уготованное; ⁵³А2, Г1, Д1: палагают; В2: палают; В4, В1, В2, В3, В4, Г2, Д2: полагают; ⁵⁴В2: каменеи; В4: каменя; В5, Д2: камением; ⁵⁵А2, В5: память; В4: память.

Литература

Алексеева Н. Ю. Взорные оды А. П. Сумарокова в их отношении к его торжественным одам. XVIII век. СПб., Наука, 2008, 4–25.

- Бовгира А. М. «Хозары во казаки именуются по сем»: этногенетические концепты в украинских текстах XVII–XVIII вв., в кн.: А. В. Доронин (ред.). *Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства*. М., Российская политическая энциклопедия, 2017, 291–306.
- Брайловский С. Н. *Один из пестрых XVII-го столетия*. СПб., Типография Имп. АН, 1902.
- Былинин В. К., Илюшин А. А. (Изд.) *Вишневая поэзия (первая половина XVII века)*. М., Советская Россия, 1989.
- Ветушко-Калевич А. А. Дописывая классику: Супплементы к античным авторам XV–XVIII вв. *Древний мир и мы* 2014, 5, 107–121.
- Волков А. В. «Начало Вавилонского царства и монархии Ассирийской» в «Келейном летописце» Дмитрия Ростовского: латинские источники. *Чтения Отдела русской литературы XVIII века* 2018, 8, 202–215.
- Державина О. А., Робинсон А. Н. и др. (ред.) *Ранняя русская драматургия (XVII — первой половины XVIII в.)*. Вып. 1: *Первые пьесы русского театра*. М., Наука, 1972.
- Дзира І. Південні слов'яни в українському літописанні XVII ст. *Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики* 2011, 19, 71–87.
- Егунов А. Н. Ломоносов — переводчик Гомера, в кн.: П. Н. Берков, И. З. Серман (ред.). *Литературное творчество М. В. Ломоносова: Исследования и материалы*. М. – Л., Издательство АН, 1962, 197–218.
- Егунов А. Н. *Гомер в Русских переводах XVIII — XIX вв.* М.; Л., Наука, 1964; 2. изд. М., Индрик, 2001.
- Жиленко І. *Синописис Київський*. Київ, ВІПОЛ, 2002.
- Золтан А. Миграция одного текста: Легенда о святой Урсуле в составе русских переводов Хроники М. Стрыйковского. *Труды Отдела древнерусской литературы* 2006, 57, 197–208.
- Иванов С. А. Дион из Прусы в Кормчей Вассиана Патрикеева. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики* 2019, 3, 119–124.
- Карнаухов Д. В. Рецепция польских ренессансных концепций происхождения Руси как фактор формирования этнокультурной идентичности восточнославянских просвещенных элит во второй половине XVII в., в кн.: Т. Chynczewska-Hennel, P. Kroll, M. Nagielski (red.) *350-letcie Unii Nadziackiej (1658–2008)*, Warszawa, DiG, 2008, 387–397.
- Кислова Е. И. Польский язык в российских семинариях XVIII в.: из истории культурно-языковых контактов. *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология* 2015, 3, 155–170.
- Корешков К. С., Зельченко В. В. «Дым отечества» от Гомера до Грибоедова, в кн.: В. Е. Багно (ред.) *Русская судьба крылатых слов*. СПб., Наука, 2010, 461–502.
- Костин А. А. «Тот путь топтать трудно», или спор Ломоносова с самим собой о принципах перевода, в кн.: А. П. Дмитриев, Ю. М. Прозоров (ред.-сост.) *Русская классика*. СПб., Росток, 2017, 71–83.
- Костин А. А., Лемешев К. Н. «Краткое руководство к красноречию» М. В. Ломоносова: история первого издания. *Slověne = Словѣне* 2017, 2, 310–346.
- Кочегаров К. А. Древнерусское прошлое в политических концепциях украинской элиты второй половины XVII века. *Славяноведение* 2015, 2, 19–41.
- Крашенинников С. П. (Перев.) Квинта Курция История о Александре Великом царе македонском, с дополнением Фрейнгсгейма и с примечаниями. Переведена с Латинского языка вторично, Степаном Крашенинниковым. СПб., АН, 1800.
- Кулябко Е. С., Бешенковский Е. Б. *Судьба библиотеки и архива М. В. Ломоносова*. Л., Наука, 1975.
- Кутарев О. В. История мистификаций и домыслов в области славянского пантеона (до середины XIX в.), в кн.: Р. В. Шигенский (ред.) *Язычество в современной России: опыт междисциплинарного исследования*. Нижний Новгород, Поволжье, 2016, 133–161.
- Лемешев К. Н. Теория вымысла в «Риторике» М. В. Ломоносова: две редакции теоретического текста. *Русская литература* 2018, 4, 47–59.
- Леонов В. П., Беяева И. М. *Каталог книг личной библиотеки М. В. Ломоносова в Библиотеке Российской Академии наук и других учреждениях Санкт-Петербурга*. СПб., Издательство БАН, 2011.
- Ломоносов М. В. *Полное собрание сочинений*. М.; Л., АН СССР, 1952.
- Мансика В. Й. *Религия восточных славян*, М., ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2005.
- Мыльников А. С. *Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI — начала XVIII века*. СПб., Петербургское востоковедение, 1999.
- Мыцык Ю. А. *Украинские летописи XVII века*. Днепропетровск, Днепропетровский государственный университет, 1976.

- Николаев С. И. Овидий в русской литературе XVII века. *Русская литература* 1985, 1, 205–211.
- Николаев С. И. Об атрибуции переводных памятников Петровской эпохи. *Русская литература* 1988, 1, 162–172.
- Николаев С. И. *Польская поэзия в русских переводах. Вторая половина XVII — первая треть XVIII века*. Л., Наука, 1989.
- Николаев С. И. Симон Кохановский. Похвала истории. *Литература и история: Исторический процесс в творческом сознании русских писателей и мыслителей XVIII–XX вв.* 1992, 1, 281–287.
- Николаев С. И. Кохановский Петр. *Словарь русских писателей XVIII века*. СПб., Наука, 1999, 2, 137–138.
- Николаев С. И. *Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв.: Библиографические материалы*. СПб., Нестор-История, 2008.
- Николаев С. И. Отзвуки *parodia christiana* в русской литературе XVIII века. *Чтения Отдела русской литературы XVIII века* 2018, 8, 258–267.
- Осват К. К литературной позиции Ломоносова. *Тыняновский сборник* 2002, 10, 13–29.
- Панченко А. М. *Русская стихотворная культура XVII века*. Л., Наука, 1973.
- Пекарский П. П. *Наука и литература в России при Петре Великом*. Т. I. СПб., АН, 1862.
- Поздnev М. М. Гомер Потемкина. *Philologia Classica* 2018, 13 (2), 288–302.
- Полное собрание русских летописей. Т. 40. Густынская летопись*. Текст под. Ю. В. Анхимюк и др. СПб., Дмитрий Буланин, 2003.
- Рогов А. И. *Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника)*, М., Наука, 1966.
- Синкевич Н. А. Два вектора православной идентичности в Украине XVII в.? Москва и москвиты в двух произведениях Могилянского времени, в кн.: А. В. Доронин (ред.-сост.) *Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства*. М., Российская политическая энциклопедия, 2017, 272–290.
- Соколов С. В. Роксоланская концепция происхождения русских в украинских исторических сочинениях раннего нового времени. *Славянский сборник* 2016, 14, 46–52.
- Соколов С. В. О некоторых сюжетах польского историописания в украинских исторических сочинениях XVII в. *Славянский сборник* 2017, 15, 62–71.
- Степанов Д. Ю. *Этноконфессиональное самосознание православного населения Речи Посполитой и Гетманичины в середине — второй половине XVII в.* Дисс. канд. ист. н. М., 2016.
- Степанов Д. Ю. Хазарский этногенетический миф в системе этнических представлений украинской казацкой старшины в конце XVII — начале XVIII в. *Славянский альманах* 2017, 3–4, 31–52.
- Тагищев В. Н. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. М., Ладомир, 1994.
- Тагищев В. Н. *Полное собрание сочинений*. Т. 4. М., Ладомир, 1995.
- Темушев С. Н. Проблема образования Древнерусского государства в ранних исторических трудах (до начала XIX в.). *Studia Historica Europae Orientalis. Исследования по истории Восточной Европы* 2014, 7, 65–85.
- Тимохина Ю. П. Как была обнаружена библиотека Ломоносова. *Природа* 1974, 1, 38–41.
- Толочко О. П. Український переклад «Хроніки...» Мацея Стрийковського з колекції О. Лазаревського та історіографічні пам'ятки XVII століття (Український хронограф і «Синопсис»). *Записки Наукового товариства імені Шевченка* 1996, 231, 158–181.
- Ульяновський В. І., Яковенко Н. М. Український переклад Хроніки Стрийковського кінця XVI — початку XVII століття. *Рукописна та книжкова спадщина України* 1993, 1, 5–12.
- Чистякова Е. В. «Скифская история» А. И. Лызлова и труды польских историков XVI—XVII вв. *Труды Отдела древнерусской литературы* 1963, 19, 348–357.
- Arnim J. von (ed.) *Dionis Prusaensis quem vocant Chrysostomum quae extant omnia*. Berlin, Weidmann, 1893.
- Barnes J. (ed.) *Homeri Ilias et Odyssea et in easdem scholia*. Cambridge, Crownfield, 1711.
- Borowski A. Humanitas i retoryka Andrzeja Frycza Modrzewskiego. *Państwo i Społeczeństwo* 2003, 3, 33–39.
- Bzovius A. *Annales ecclesiastici post <...> Caesarem Baronium*. T. 13. Köln, Boetzer, 1616; T. 15, ib., 1622.
- Clarke S. (ed., transl.) *Homeri Ilias Graece et Latine. Annotationes in usum serenissimi principis Gulielmi Augusti*. London, Knapton, 1729.
- De Bom E., Janssens M., van Houdt T., Papy J. (eds). *(Un)masking the realities of power. Justus Lipsius and the dynamics of political writing in Early Modern Europe*. Leiden — Boston, Brill, 2011.

- Finsler G. *Homer in der Neuzeit von Dante bis Goethe: Italien, Frankreich, England, Deutschland*. Leipzig — Berlin, Teubner, 1912.
- Ford Ph. *De Troie à Ithaque: réception des épopées homériques à la Renaissance*. Genève, Librairie Droz, 2007.
- Galster I. Staroruskie przekłady z poezji antycznej. *Studia z filologii rosyjskiej i słowiańskiej, Językoznawstwo* 1979, 3, 31–36.
- Hager J.G. (ed.) *Homeri Ilias Graece et Latine ad praestantissimas editiones accuratissime expressa*. Chemnitz, Stoessel, 1745.
- Hessus H. E. (transl.) *Poetarum omnium seculorum longe principis Homeri Ilias*. Basiliae, Winter, [1540].
- Latacz J. (Hg.) *Homers Ilias*. Gesamtkommentar (Basler Kommentar/BK). Berlin — New York, De Gruyter, 2010.
- Lipsius J. *Monita et exempla politica libri duo, qui virtutes et vitia principum spectant*. Antverpiae, ex Officina Plantiniana, 1606.
- Malinowski M. (ed.) *Maciej Strykowski. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiéj Rusi*. Warszawa, Glucksberg, 1846.
- Modrzewski A. F. *O poprawie Rzeczypospolitej*. Łosk, Lazarus Andreae, 1577.
- Nelson E. Translation as Correction: Hobbes in the 1660s and 1670s, in: M. Burke, M. Richter (eds). *Why Concepts Matter: Translating Social and Political Thought*. Leiden — Boston, Brill, 2012, 119–139.
- Schmidt P.G. *Supplemente lateinischer Prosa in der Neuzeit*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1964.
- Villani A. Homer in the Debate Between Celsus and Origen. *REAug* 2012, 58, 113–139.
- Waszink J. (ed.) Lipsius J. *Politica: Six Books on Politics or Political Instruction*. Assen, Royal Van Gorcum, 2004.
- Watson Ch. *Tradition and Translation. Maciej Strykowski's Polish Chronicle in Seventeenth-Century Russian Manuscripts*. Uppsala, Uppsala Universitet, 2012.
- West M. L. (ed.) *Homeri Ilias*. Vol. I. München, Saur, 2006.

Fragmentary Translations and the Value of Poetry: Early Eastern Slavic Verse Translations from Homer

Andrej A. Kostin

National Research University “Higher School of Economics”,
123, nab. kanala Griboedova, St. Petersburg, 190068, Russian Federation
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences,
4, nab. Makarova, St. Petersburg, 199034, Russian Federation; a.al.kostin@gmail.com

For citation: Andrej A. Kostin. Fragmentary Translations and the Value of Poetry: Early Eastern Slavic Verse Translations from Homer. *Philologia Classica* 2020, 15 (1), 120–153.
<https://doi.org/10.21638/spbu20.2020.110>

The present contribution analyses Eastern Slavic (Ukrainian and Russian) fragmentary translations of Homer’s poems, as they appear in the historical and political writings of Maciej Strykowski, Andrzej Frycz Modrzewski and Justus Lipsius translated in Kiev, Moscow and St. Petersburg from the early 17th century till the early 18th century. The author’s main interest is in examining verse texts inserted in the prose narrative which were occasionally translated in verse — a notable practice for a culture like Russian which did not develop written verse till early 17th century. The study emphasizes various reasons for choosing the verse form for translation (Homer as a historical source, a teacher in political rhetoric, a model intellectual as regards relations between the state and men of letters) and demonstrates that Eastern Slavs had experience with adopting Homer into verse long before 1748, when the first Russian fragmentary verse translation from Homer was published by Mikhail Lomonosov. The article also focuses on the verse translations from Homer by Lomonosov included in his *Rhetorics*. These are based on S. Clarke’s Latin translation from the bilingual Homer edition by J. G. Hager (1745). Translations which form the part of Maciej Strykowski’s *Chronicle* (1660–1670’s)

and Justus Lipsius' *Monita et Exempla politica* (1712–1722) are published for the first time, accompanied with an analysis of their textual history.

Keywords: Homer, verse translation, fragmentary texts, Eastern Slavic poetry, Eoban Hessus, Maciej Strykowski, Andrzej Frycz Modrzewski, Justus Lipsius, Mikhail Lomonosov.

References

- Alekseeva N. Iu. Sumarokov's Absurd Odes as Compared to His Solemn Odes, in: *XVIII vek*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008, 4–25. (In Russian)
- Arnim J. von (ed.) *Dionis Prusaensis quem vocant Chrysostomum quae extant omnia*. Berlin, Weidmann, 1893.
- Barnes J. (ed.) *Homeri Ilias et Odyssea et in easdem scholia*. Cambridge, Crownfield, 1711.
- Borowski A. Humanitas i retoryka Andrzeja Frycza Modrzewskiego. *Państwo i Społeczeństwo* 2003, 3, 33–39.
- Bovgiria A. M. 'That's how Khazars get the Name Cossaks': Notions of Ethnogenesis in Ukrainian 17th to 18th Century Texts, in: A. V. Doronin (ed.) *Drevniaia Rus' posle Drevnei Rusi: diskurs vostochnoslavianskogo (ne)edinstva*. Moscow, Rossiiskaia politicheskaia enciklopediia Publ, 2017, 291–306. (In Russian)
- Brailovskii S. N. *One of the 17th Century Colourful Ones*. St. Petersburg, Akademiia nauk Publ., 1902. (In Russian)
- Bylinin V. K., Iliushin A. A. (eds). *The Wiersz Poetry* (1st Half of the 17th c.). Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1989. (In Russian)
- Bzovius A. *Annales ecclesiastici post <...> Caesarem Baronium*. T. 13. Köln, Boetzer, 1616; T. 15, ib., 1622.
- Chistiakova E. V. Lyzlov's Scythian History and the Works of Polish Historians of 16th to 17th Centuries. *Trudy otdela drevnerysskoi literatury* 1963, 19, 348–357. (In Russian)
- Clarke S. (ed., transl.) *Homeri Ilias Graece et Latine. Annotationes in usum serenissimi principis Gulielmi Augusti*. London, Knapton, 1729.
- De Bom E., Janssens M., van Houdt T., Papy J. (eds). *(Un)masking the realities of power. Justus Lipsius and the dynamics of political writing in Early Modern Europe*. Leiden — Boston, Brill, 2011.
- Derzhavina O. A., Robinson A. N. et al. (eds.). *The First Plays of Russian Theatre*. Moscow, Nauka Publ., 1972. (In Russian)
- Dzira I. Southern Slavs in Ukrainian 17th c. Chronicles, *Spetsial'ni istorichni distsiplini: pitannia teorii ta metodiki* 2011, 19, 71–87. (In Ukrainian)
- Egunov A. N. *Homer in Russian 18th to 19th c. Translations*. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964. (In Russian)
- Egunov A. N. Lomonosov Translating Homer, in: P. N. Berkov, I. Z. Serman (eds.) *Literaturnoe tvorchestvo M. V. Lomonosova: Issledovaniia i materialy*. Moscow — Leningrad, Akademiia nauk Publ., 1962, 197–218. (In Russian)
- Egunov A. N. *Homer in Russian 18th to 19th c. Translations*. Moscow, Indrik Publ., 2001. (In Russian)
- Finsler G. *Homer in der Neuzeit von Dante bis Goethe: Italien, Frankreich, England, Deutschland*. Leipzig — Berlin, Teubner, 1912.
- Ford Ph. *De Troie à Ithaque: réception des épopées homériques à la Renaissance*. Genève, Librairie Droz, 2007.
- Galster I. Staroruskie przekłady z poezji antycznej. *Studia z filologii rosyjskiej i słowiańskiej. Językoznawstwo* 1979, 3, 31–36.
- Hager J. G. (ed.) *Homeri Ilias Graece et Latine ad praestantissimas editiones accuratissime expressa*. Chemnitz, Stoessel, 1745.
- Hessus H. E. (transl.) *Poetarum omnium seculorum longe principis Homeri Ilias*. Basiliae, Winter, [1540].
- Ivanov S. A. Dio of Prusa in Vassian Patrikeev's Kormchaya, *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki* 2019, 3, 119–124. (In Russian)
- Karnaukhov D. V. The Reception of Polish Renaissance Notions on the Development of Rus' as a Factor for Evolving Ethnocultural Identity of Eastern-Slavic Enlightened Elites in the 2nd Half of the 17th Century, in: T. Chynczewska-Hennel, P. Kroll, M. Nagielski (red.) *350-lecie Unii Hadziackiej (1658–2008)*, Warszawa, DiG, 2008, 387–397. (In Russian)
- Kislova E. I. Polish Language in Russian 18th c. seminars: from the history of language-cultural contacts. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 9: Filologii* 2015, 3, 155–170. (In Russian)
- Kochegarov K. A. Ancient Russian Past in Political Notions Of Ukrainian Elite of the 2nd Half of the 17th Century. *Slavianovedenie* 2015, 2, 19–41. (In Russian)

- Koreshkov K. S., Zel'chenko V. V. The smoke of Homeland' from Homer to Griboedov, in: *Russkaia sud'ba krylatykh slov*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, 461–502. (In Russian)
- Kostin A. A. 'Tot put' toptat' trudno', or Lomonosov's dispute with himself on the principles of translation, in: A. P. Dmitriev, Iu. M. Prozorov (eds.) *Russkaia klassika*. St. Petersburg, Rostok Publ., 2017, 71–83. (In Russian)
- Kostin A. A., Lemeshev K. N. Mikhail Lomonosov's "Short Manual in Rhetoric": The History of the First Edition from 1748. *Slověne* 2017, 2, 310–346. (In Russian)
- Krashennikov S. P. (transl.) *Quitus Curtius' History of Alexander the Great, Macedonian King, with Freinshelm's supplement and notes*. St. Petersburg, Akademiia nauk Publ., 1800. (In Russian)
- Kuliabko E. S., Beshenkovskii E. B. *The Fate of Lomonosov's Library and Archive*. Leningrad, Nauka Publ., 1975. (In Russian)
- Kutarev O. V. History of mystifying and hypothesizing the Slavonic Pantheon (before the mid-19th Century, in: R. V. Shizhenskii (ed.) *Iazychestvo v sovremennoi Rossii: opyt mezhdistsiplinarnogo issledovaniia*. Nizhnii Novgorod, Povolzhie Publ., 2016, 133–161. (In Russian)
- Latacz J. (Hg.) *Homers Ilias*. Gesamtkommentar (Basler Kommentar/BK). Berlin — New York, De Gruyter, 2010.
- Lemeshev K. N. Theory of Fiction in Lomonosov's Rhetoric: Two Versions of Theoretical Text. *Russkaia literatura* 2018, 4, 47–59. (In Russian)
- Leonov V. P., Beliaeva I. M. *The Catalogue of Lomonosov's Books in the Library of the Russian Academy of Sciences and Other Institutions in St. Petersburg*. St. Petersburg, Biblioteka Akademii nauk Publ., 2011. (In Russian)
- Lipsius J. *Monita et exempla politica libri duo, qui virtutes et vitia principum spectant*. Antverpiae, ex Officina Plantiniana, 1606.
- Lomonosov M. V. *Comprehensive Works*. Moscow — Leningrad, Akademiia nauk Publ., 1952. (In Russian)
- Malinowski M. (ed.) *Maciej Strykowski. Kronika polska, litewska, žmódka i wszystkiój Rusi*. Warszawa, Glucksberg, 1846.
- Mansikka V. I. *The Religion of Eastern Slavs*. Moscow, IMLI RAN Publ., 2005. (In Russian)
- Modrzewsky A. F. *O poprawie Rzeczypospolitej*. Losku, Lasarus Andree, 1577.
- Myľnikov A. S. *A Picture of Slavonic World: A view From Eastern Europe. Notions of Ethnical Nominations and Ethnicity in 16th to Early 18th Century*. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 1999. (In Russian)
- Mytsyk Iu. A. *Ukrainian Chronicles of 17th Century*. Dnepropetrovsk, Dnepropetrovskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1976. (In Russian)
- Nelson E. Translation as Correction: Hobbes in the 1660s and 1670s, in: M. Burke and M. Richter (eds.) *Why Concepts Matter: Translating Social and Political Thought*. Leiden — Boston, Brill, 2012, 119–139.
- Nikolaev S. I. Ovid in Russian 17th Century Literature. *Russkaia literatura* 1985, 1, 205–211. (In Russian)
- Nikolaev S. I. On Attribution of the translated texts of the Petrine Epoch. *Russian Literature* 1988, 1, 162–172. (In Russian)
- Nikolaev S. I. *Polish Poetry in Russian Translations. 2nd Half of 17th — 1st Third Part of the 18th Century*. Leningrad, Nauka Publ., 1989. (In Russian)
- Nikolaev S. I. Simon Kokhanovsky. A Panegyric to History, in: *Literatura i istoriia*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1992, 281–287. (In Russian)
- Nikolaev S. I. Kokhanovskii Petr, in: *Dictionary of 18th Century Russian Writers*. St. Petersburg, 1999, 137–138, 2. (In Russian)
- Nikolaev S. I. *Russian-Polish Literary Relations in 16th to 18th Centuries. Bibliographical materials*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2008. (In Russian)
- Nikolaev S. I. Effects of parodia christiana in Russian 18th Century Literature. *Trudy otdela russkoi literatury XVIII veka* 2018, 8, 258–267. (In Russian)
- Ospovat K. On the Literary Position of Lomonosov. *Tyñanovskii sbornik*, 2002, 10, 13–29. (In Russian)
- Panchenko A. M. *Russian verse culture of 17th Century*. Leningrad, Nauka Publ., 1973. (In Russian)
- Pekarskii P. P. *Science and Literature in the Times of Peter the Great*. St. Petersburg, Akademiia nauk Publ., 1862, 1. (In Russian)
- Comprehensive Collection of Russian Chronicles*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003, 40. (In Russian)
- Pozdnev M. Potemkin's Homer. *Philologia Classica* 2018, 13, 2, 288–302.
- Rogov A. I. *Russian-Polish Cultural Relations in the Renaissance Epoch (Strykovsky and his Chronicle)*. Moscow, Nauka Publ., 1966. (In Russian)

- Schmidt P.G. *Supplemente lateinischer Prosa in der Neuzeit*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1964.
- Sinkevich N.A. Two vectors of Orthodox Identity in 17th Century Ukraine? Moscow and Moscovites in two texts of the Mogila Epoch, in: A.V.Doronin (ed.) *Ancient Rus' after Ancient Rus': Discourse of Eastern-Slavic (Non)Unity*. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2017, 272–290. (In Russian)
- Sokolov S.V. Roxolan Concept of the Development of Russians in Ukrainian Historical Works of the Early Modern Epoch. *Slavanskii sbornik* 2016, 14, 46–52. (In Russian)
- Sokolov S.V. On some narratives of the Polish History Writing in Ukrainian Historical Works of 17th Century. *Slavanskii sbornik* 2017, 15, 62–71. (In Russian)
- Stepanov D.Iu. *Ethnoconfessional Identity of the Orthodox Inhabitants of Rzeczpospolita and Hetmanshchina in the mid- till late 17th Century*. Diss. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2016. (In Russian)
- Stepanov D.Iu. Khazar Ethnogenetical myth in the System of Ethnicity Notions of the Ukrainian Cossack Nobility at the Turn to 17th–18th Centuries. *Slavanskii al'manakh* 2017, 3–4, 31–52. (In Russian)
- Tatishchev V.N. *Comprehensive Works*. Moscow, Lodomir Publ., 1994, 1. (In Russian)
- Tatishchev V.N. *Comprehensive Works*. Moscow, Lodomir Publ., 1995, 4. (In Russian)
- Temushev S.N. The Problem of the Formation of Ancient Russian State in Early Historical Works (before mid-19th Century). *Studia Historica Europae Orientalis. Issledovaniia po istorii Vostochnoi Evropy* 2014, 7, 65–85. (In Russian)
- Timokhina Iu. P. How Lomonosov's Library Was Found. *Priroda* 1974, 1, 38–41. (In Russian)
- Tolochko O.P. Ukrainian Translation of Maciej Strykowski's Chronicle from the A.Lazarevsky's Collection and the Historiographical Works of the 17th Century (Ukrainian Khronograph and Sinopsis). *Zapyski naukovoogo tovaristava imeni Shevchenka* 1996, 231, 158–181. (In Ukrainian)
- Ul'ianov'skii V.I., Iakovenko N.M. Ukrainian Translation of Strykowski's Chronicle of Late 16th — Early 17th Century. *Rukopisna ta knizhкова spadschyna Ukraini* 1993, 1, 5–12. (In Ukrainian)
- Vetushko-Kalevich A.A. Completing the Classics: Supplements to the Authotrs of Antiquity in 15th to 18th c. *Drevnii mir i my*. 2014, 5, 107–121. (In Russian)
- Villani A. Homer in the Debate Between Celsus and Origen. *REAug* 2012, 58, 113–139.
- Volkov A.V. 'The Beginnings of the Babylon Kingdom and Assirian Monarchy' in Dimitry Rostovsky's 'Chamber Chronicle': Latin Sources. *Trudy otdela russkoi literatury XVIII veka* 2018, 8, 202–215 (In Russian).
- Waszink J. (ed.). Lipsius J. *Politica: Six Books on Politics or Political Instruction*. Assen, Royal Van Gorcum, 2004.
- Watson Ch. *Tradition and Translation. Maciej Strykowski's Polish Chronicle in Seventeenth-Century Russian Manuscripts*. Uppsala, Uppsala Universitet, 2012.
- West M.L. (ed.) *Homeri Ilias*. Vol. I. München, Saur, 2006.
- Zhilenko I. *Kievan Synopsis*. Kiiv, VIPOL Publ., 2002. (In Ukrainian)
- Zoltan A. Migration of a Text: The Legend of St. Ursula in Russian Translations of Maciej Strykowski's Chronicle] *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* 2006, 57, 197–208. (In Russian)

Received: January 16, 2020

Accepted: April 11, 2020